

Вера Чиркова

Спасти нельзя оставить.
Сбежавшая невеста

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Спасти нельзя оставить

Вера Чиркова

**Спасти нельзя оставить.
Сбежавшая невеста**

«АЛЬФА-КНИГА»

2018

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Чиркова В. А.

Спасти нельзя оставить. Сбежавшая невеста / В. А. Чиркова —
«АЛЬФА-КНИГА», 2018 — (Спасти нельзя оставить)

Леаттия Брафорт, наследница старинного, но обедневшего и потерявшего все привилегии рода, считала себя самой счастливой девушкой города, если не страны. Ее выбрал в жены сам герцог и уже пять лет терпеливо ждал момента, когда юная невеста достигнет совершеннолетия, попутно забрасывая ее подарками, нарядами и цветами. Счастливая сказка рассыпалась пеплом в тот же миг, когда Леаттия увидела изуверские забавы своего возлюбленного. С той минуты она желала лишь одного – сбежать подальше от жестокого монстра. И знала наверняка, что мечтает о невозможном, ведь его светлость позаботился о надежных оковах для своей избранницы.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Чиркова В. А., 2018
© АЛЬФА-КНИГА, 2018

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	17
Глава четвертая	23
Глава пятая	28
Глава шестая	32
Глава седьмая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Вера Чиркова

Спасти нельзя оставить.

Сбежавшая невеста

Глава первая

– Войдите! – Леаттия привычно отерла платочком слезы и отвернулась от окна.

– Добрый день, ваша милость. – В дверях стояла немолодая, очень худая женщина в сером плаще и черных поношенных шелковых перчатках. – Простите за беспокойство, но у меня небольшой вексель.

– Давайте. – Леа прошла к столу, опустилась на свое место и взмахом руки предложила незнакомке сесть. – Когда ее милость брала у вас деньги?

– Не брала ваша матушка денег, а купила свечи и полотно, – так и не села посетительница. – Для себя, как я поняла.

Женщина положила перед Леаттией расписку на шестьдесят серебряных, быстро оглянулась и ловко сунула девушке свернутую крохотным квадратиком бумажку.

– Что? – Графиня Брафорт ошеломленно подняла взор и увидела сначала умоляющие глаза гостьи, а потом и ее палец, прижатый к губам в немой просьбе о молчании.

– Тут все написано, – склонившись к листку и водя пальцем по строчкам, начала пояснять незнакомка, убедившись, что девушка все поняла верно и слуг звать не будет. Потом еле слышно добавила: – Раньше я прийти не могла... не хотела вас расстраивать.

– Шестьдесят монет меня не расстроят. – Проверив подпись и оттиск печатки, хозяйка достала кошель и услышала над ухом торопливый шепоток:

– Прочтите в умывальне и сожгите... умоляю. Иначе мне не жить.

Не считая, забрала монеты, раскланялась и исчезла так же внезапно, как появилась.

Леаттия разжала кулак, неверяще оглядела неожиданное послание и почти сразу увидела свое имя, выведенное до боли знакомым бисерным почерком. Вот этого, совершенно невозможного подарка она никак не ждала от коварной судьбы, и сложный букет эмоций, от безумной надежды на спасение до вновь обострившейся боли потери вмиг расцвел в ее душе, заставив едва слышно застонать. Однако девушка тут же спохватилась, сумела подавить желание расплакаться и, поспешно приподняв подол, сунула конвертик в чулок. А потом решительно направилась в умывальню и в этот раз запирала дверь с особой старательностью.

Постепенно успокаиваясь и начиная обдумывать случившееся, графиня с горечью и раскаянием осознала, насколько сильно рисковала незнакомка. Ей вообще сказочно повезло. Если бы Леа до сих пор оставалась в прежнем неведении насчет любовных предпочтений своего жениха, как всего луну назад, то непременно подняла бы шум и погубила и себя, и гостью. Но теперь, когда юная графиня успела прозреть и побывать на самом дне пропасти, зовущейся безнадежностью, она собиралась в точности исполнить все указания тайного спасителя. Ведь кроме этого непрочитанного еще послания никакой надежды на избавление от страшной участи у нее нет. И даже если здесь Леаттию ждет ловушка, хуже все равно уже не будет.

Просто не может быть ничего страшнее случайно подсмотренной сценки, вдребезги разбившей жизнь девушки и до сих пор стоящей у нее перед глазами.

Мать тогда еще держалась, но к вечеру ей резко стало хуже, и растерявшаяся, перепуганная Леа отважилась попросить помощи у жениха. Разумеется, его светлость герцог Манрех Кайор Брафортский вовсе не сам должен был сидеть возле постели будущей тещи, а прислать лекаря и опытную сиделку, у его невесты к этому времени из всех слуг остались лишь семейная

пара, горничная и повар. Да и те устроились всего год назад и проявили необычайное упорство, уговаривая матушку их принять. Но лишь после смерти графини Расельены Гардез Брафорт девушка поняла, откуда они взялись так кстати. И где получают основное жалованье, причем вовсе не за обязанности простых слуг.

А в тот день, не найдя от отчаяния лучшего выхода, Леа накинула темный плащ с капюшоном и побежала во дворец, благо находится он всего в пяти минутах ходьбы.

Сухощавый и длинноносый дворецкий, смерив невесту господина пронзительным взглядом, лично провел ее в парадную гостиную второго этажа и настойчиво попросил подождать, у его светлости важный гость.

И Леа честно ждала, даже в мыслях не допуская возможности выйти из комнаты и лично отправиться искать его светлость. Но вот усидеть на месте не смогла, от волнения за матушку нервно ходила по комнате и в какой-то момент оказалась возле распахнутой двери на галерею, проходящую вдоль всего здания. Безо всякого сомнения шагнула прочь из комнаты, беспокойно прошлась взад-вперед по широкому балкону и, чтобы отвлечься от тяжких мыслей, принялась рассматривать сад и постройки, прикидывая, где будет гулять после свадьбы.

Полный муки женский крик, раздавшийся откуда-то слева, невольно привлек внимание Леаттии, и она опасливо сделала несколько шагов в ту сторону, не зная, пора ли бежать несчастной на помощь.

А едва завернув за угол, оцепенела, потрясенная увиденным. За распахнутыми настежь окнами виднелась очень странно обставленная комната, но это припомнилось Леа значительно позже. В первые мгновения она не могла отвести взора от окровавленной исхлестанной спины нагой женщины и такого же нагого мужчины, с упоением полосующего ее плетью.

Леа смотрела на них всего пару секунд, затем сбежала стремительно, как заяц, за которым гонится стая волков. И только в гостиной, переведя дух, с ужасом поняла, кого минуту назад ей «повезло» лицезреть.

Собственного жениха, герцога Манреха Кайора Брафортского, приходящегося ей настолько дальним родственником, что этого не могло показать даже родовое древо.

Вот в тот миг и рухнуло, как песочная крепость, придуманное ею прекрасное будущее, в котором она сидит на троне рядом с мужем в окружении сыновей и подданных. И хотя далеко не сразу Леаттия до конца осознала, чем грозит ей брак с человеком, развлекающимся таким постыдным образом, но уже ненавидела его так же горячо, как совсем недавно обожала.

Потому и поступила так, как ей более всего хотелось. Опустила пониже капюшон и ушла из дворца.

Ринувшемуся наперерез дворецкому Леа, всхлипывая от пережитого ужаса и омерзения, сообщила, что больше ждать не может, опасаясь не застать матушку в живых. И домчалась до родного дома, не видя ни дороги, ни людей, всего за пару минут.

Мать была еще жива, но очень плоха, и Леаттия в одиночестве просидела рядом с ней два часа, оплакивая и ее веру в то, что дочь удачно пристроена, и собственные разбившиеся мечты.

А ведь и раньше доходили до нее намеки и сплетни, хотя и редко, герцога в Югрете боялись просто до дрожи. Но тогда юная графиня не придавала им никакого значения, народ всегда сплетничает о своих правителях и зачастую плетет несусветные небылицы. А вот после той, несостоявшейся аудиенции Леа припомнила все. И скоропостижную кончину первой жены Манреха, якобы упавшей из окна в заросли гигантских кактусов, и слишком быстро исчезающих из дворца герцогских фавориток. Нет, ни одна не умерла, все они уехали по вполне безобидным причинам. Наследство, замужество, уход в монастырь. И ни одна больше не появилась в Югрете.

Леа всхлипнула еще горше, осознав, что ей самой даже бежать будет некуда, ведь у нее не осталось больше ни одного из близких родичей.

А потом появился встревоженный герцог, окинул настороженным взглядом комнату, опухшее от слез лицо невесты и, заметно успокоившись, начал уверенно раздавать приказы и гонять посыльных. Леаттию отправили умываться и обедать, возле постели умирающей усеялась опытная сиделка в крахмальном чепце и фартуке, слуги принялись готовить гостиную и спальни для тех, кто придет проститься с графиней Брафорт, кровной праправнучкой великого герцога Юлиара Брафортского.

Никто в герцогстве не знал точно, отчего в древности, после трагической гибели очередного герцога Брафорта, титул и власть наследовали не его дочери, а сыновья троюродной сестры, но спорить с задиристыми вояками Кайорами, имевшими в тот момент под рукой больше трех тысяч хорошо вооруженных ратников, не рискнул ни один из законных наследников.

С тех пор уже почти триста лет потомки Юлиара числились просто графами, постепенно беднели и вымирали. Но пять лет назад Манрех пожелал снова соединить разошедшиеся когда-то пути двух старинных родов. Он действовал очень решительно: едва Леаттии исполнилось пятнадцать, приехал с предложением помолвки, уверенно пообещав, что не будет настаивать на свадьбе до третьего совершеннолетия невесты.

И граф Брафорт вынужден был дать согласие, еще не зная, что дожить до этой свадьбы не суждено ни ему самому, ни его жене.

Леаттия горько вздохнула и усилием воли задвинула подальше эти воспоминания. Помочь родителям она уже ничем не могла, но нужно было попытаться спасти хотя бы свою судьбу.

Стыдно вспомнить, как глупа и доверчива она была. Впрочем... она и до сих пор такой осталась, раз намеревалась прочесть принесенное незнакомкой с полей вечности письмо и даже заранее ему верила.

Но, как вскоре оказалось, не верить не было никаких оснований. В написанной рукой матери записке были намеки на события, которых не могли знать посторонние, а оттиск печатки полностью совпадал с кольцом, которое уже почти луну украшало палец Леаттии.

Второй листок был исписан незнакомым, нарочито безликим почерком и состоял всего из пяти четких указаний, каждое из которых графиня сразу же признала непреложным и потому намеревалась выполнить как можно точнее.

– Чай будете пить, ваша милость? – заглянула в комнату крепкотелая женщина средних лет со взглядом ищейки.

– Спасибо, Берта, – кротко поблагодарила хозяйка, как обычно сидящая в кресле у окна, – пока не хочу. Схожу в склеп, помолюсь за матушку, тогда и пообедаю.

– Может, хватит уже истязать себя? Ваша милость скоро на тень станет похожа, – с деланной жалостью вздохнула шпионка, но в ее взоре не промелькнуло и искры сочувствия.

– Еще несколько дней, ты же знаешь закон, – уныло выговорила Леа, изо всех сил стараясь ни в чем не отступать от сложившегося за эти дни порядка. – Но ты можешь посидеть в зале прощания и выпить горячего чаю, если возьмешь с собой корзинку. Там и в самом деле прохладно.

– Прихвачу и на вашу долю, – так же привычно отозвалась Берта, и Леа тихо усмехнулась ей вслед.

Служанка непременно все возьмет и не забудет бутылочку с малиновкой, которую считает лучшим средством от простуды, даже не догадываясь, что Леа уже высыпала туда несколько порошков снотворного.

И все остальное успела приготовить, хотя и носилась по спальне, как белка. Надела на себя самую простую и удобную одежду, взамен нижних юбок – пару темных отцовских штанов плотного полотна, а вместо обшитого оборочками и кружевом корсажа – три темные блузки

и замшевый отцовский охотничий жилет, в карманы которого рассовала все самое ценное. Сверху с трудом натянула юбку для верховых прогулок и самое простенькое и темное из материнских платьев. Хотя за последний месяц Леа сильно исхудала и собственные наряды висели на ней как с чужого плеча, но даже они не налезли на все надетое ранее.

Потом, начиная задыхаться от духоты и понимая, что иначе нельзя, ведь ей придется изображать довольно плотную Берту, графиня закутала плечи в теплую шаль, благо в фамильной усыпальнице всегда холодно. А выходя из комнаты, накинула еще и черный траурный плащ, вытащив заранее из его карманов все мелочи и оставив только ключи и свечи.

Берта ждала хозяйку у выхода, и вид у нее был почти довольный, следовательно, бутылка с наливкой уже пристроена на дне корзинки.

Повар, замещавший при случае и кучера, и дворецкого, проводил их внимательным взглядом и вернулся к приготовлению фаршированного гуся. Прист слегка сожалел, что непыльная работенка скоро закончится, давно уже ему не выпадало пожить так сытно и вольготно. Подопечная только тихо плакала и пыталась изображать из себя справедливую хозяйку, но даже не думала ни бежать, ни подкупать их с напарницей, наивно позволяя почти в открытую диктовать свои правила. И хотя втайне опытный шпиик чуточку сочувствовал худой зареванной дурехе, но был почти уверен, что ничего особо плохого с ней не случится, пока не родит мужу пару сыновей. Ну а каким ликом жизнь повернется к герцогине к тому времени, не дано предвидеть никому из смертных. О том, что своенравная судьба уже спутала ровные нити прежнего узора, он пока не мог и догадываться.

Берта шагала все неспешнее и, не дойдя до двери в усыпальницу всего пару шагов, неожиданно споткнулась. Потом еще, а едва дотянувшись до стены, начала медленно оседать. Встревоченная Леаттия бросилась к ней, заглянула в лицо и увидела закрывающиеся глаза и обвисшую нижнюю губу. Пахнуло малиной, и до графини начал доходить весь ужас ее ошибки. Шпионка явно не стала ждать, пока доберется до места, и пропустила рюмочку заранее.

И сейчас свалится прямо здесь, одним махом разрушив все тщательно подготовленные планы незнакомой спасительницы. А Леаттии придется признаваться герцогу в попытке побега, и можно не сомневаться, как он накажет за это строптивую невесту.

Леа всхлипнула, подхватила Берту под руку и больно ущипнула, пытаясь разбудить хоть на минуту. Шпионка и в самом деле дернулась, приоткрыла мутные глаза и попробовала мотнуть головой, но та снова безвольно повисла. Этих секунд графине едва хватило, чтобы толкнуть тяжелую дверь и пнуть внутрь выпавшую из рук Берты корзину. Затем ей пришлось поднырнуть служанке под руку и на себе втащить в усыпальницу тяжеленное тело. Спина, казалось, вот-вот треснет от навалившейся на нее туши, ноги Берты, волочившиеся по гранитным плитам пола, стали почему-то нескончаемо длинными.

Всего пять шагов, но они показались Леаттии невыносимо долгим каторжным трудом. Хрипя и задыхаясь, графиня волокла спящую шпионку и с ужасом ожидала оклика Приста, неустанно следившего за ней с почти нескрываемым пренебрежительным превосходством.

И Леа его понимала, уж этот прожженный шпион никогда не стал бы сидеть целыми днями у окна, оплакивая свою судьбу, а давно уже был далеко отсюда. Но он этому где-то учился, тренировался, а Леа даже гостиницу снять не сумеет, не говоря о том, чтобы нанять повозку и купить место в обозе.

Да и бесполезно это. Едва Манреху доложат о ее бегстве, он немедленно закроет все ворота Югрета и пошлет своих гвардейцев в погоню за всеми покинувшими город обозами и путниками.

Как собирается решить эту проблему незнакомка, Леа не думала. Бросив Берту прямо на полу, девушка плотно прикрыла дверь и тяжело, со всхлипами дыша, обессиленно опустилась

на каменную скамью. Но отдыхала недолго: понимание, как быстро тают надежды на успешный побег, заставило вскочить и схватить корзинку. Покопавшись там, Леаттия нашла чайничек с горячей водой, плеснула немного в бокал и сунула в рот одну из пилюль, прихваченных из шкатулки с целебными снадобьями. Лекарство было еще матушкиным, и она всегда говорила, что пилюли снимают боль и придают бодрость.

Ждать, пока снадобье подействует, графиня не стала, неуклюже присев, развязала чепец Берты и тихо ругнулась, рассмотрев, как коротко стрижена ее служанка.

В глубине ее головного убора лежал скрученный клубком шелковый шарф, и в нем было что-то завернуто. Леа лишь мгновение колебалась, брать его или нет, потом все же сунула клубок в карман, сразу став крутобокой, как селянка. В другой карман она для равновесия положила собственную шляпку и решительно натянула чужой чепец.

Затем, так же уверенно стащив с Берты простую серую накидку, Леаттия набросила ее на себя, взамен накрыв служанку собственным плащом. Послала последнее «прости» в сторону ведущего в склеп прохода и, моля богов о помощи, тихонько открыла дверь наружу. Секунду постояла, с замирающим сердцем оглядывая запущенный сад и начиная понимать, как зря тряслась от страха, таща Берту в усыпальницу. Окон кухни, где остался хозяйничать Прист, отсюда рассмотреть было невозможно, их загораживали ветви начинавших зеленеть деревьев.

Переведя дух, Леа свернула на дорожку, ведущую в глубь сада, и некоторое время брела неспешно, с трудом сдерживаясь, чтобы не побежать. Если за их замком кроме подставных слуг следит кто-то еще, он ни в коем случае не должен заподозрить подмены. А Берта всегда ходила неторопливо... хотя теперь Леа понимала, что это было всего лишь притворством.

Простая мысль, что неизвестный наблюдатель давно бы уже задался вопросом, зачем это соглядатайка идет в самую глухую часть сада, и сейчас мчался бы за ней следом, пришла Леаттии на ум только минуты через две. К этому времени начала понемногу действовать пилюля, и действительно откуда-то появились и силы, и решительность. А последнее соображение заставило девушку запаниковать, замедлить шаг и несколько раз оглянуться. Выдавать своих спасителей хотелось меньше всего. Ведь если ее герцог просто запрет в своих покоях, то их прикажет засечь на площади, и вся вина за чрезмерно суровое наказание ляжет ей на душу тяжким камнем.

Однако погони по-прежнему не было, и Леа двинулась дальше, незаметно даже для самой себя двигаясь все быстрее.

К ограде, где с незапамятных пор вывалилось несколько камней, открыв перелаз на заросший кустами и орешником довольно крутой берег протоки, графиня почти прибежала. А добежав, остановилась, сраженная наповал неожиданно сделанным открытием: оказывается, герцог про этот тайный ход знал. И даже позаботился о том, чтобы вернуть стене былую целостность и неприступность, об этом свидетельствовал не успевший потемнеть раствор идеально ровной кладки.

Несколько секунд Леа, захлебываясь подступившими слезами, смотрела на это свидетельство незыблемости намерений жениха, потом развернулась и побежала вправо, туда, где росла возле стены раскидистая шелковица. Единственное дерево, на которое юная графиня умела влезать без посторонней помощи. И единственное, с которого можно было перебраться на стену.

– Стой! – догнал ее негромкий, но злой окрик. – Куда помчалась?

– Стою... – уронив руки, медленно повернулась она к сидящему на стене шпиону, – никуда не бегу.

– Не стой, иди сюда! – мгновенно поправился незнакомец. – Я лестницу спущу.

– Зачем? – безнадежно буркнула графиня, разом потеряв и силы и желание бежать.

– Чтобы тебя оттуда вытащить. Да поторопись.

– Я не влезу по лестнице... – еще неуверенно пробормотала Леа, рассматривая борода-того мужчину в низко надвинутом на глаза пастушьем колпаке, и вдруг решила: – Лучше по дереву.

Развернулась и помчалась к шелковице, не обращая внимания на едва слышное возмущенное шипение незнакомца. Пусть поворчит, она и сама себя корит. Ну с чего ей померещилось, будто принесящая вексель женщина намерена лично встречать беглянку у стены? Чем она смогла бы помочь? Ведь тащить графиню через стену женщине не по силам. Ну а раз они тщательно обдумали план побега, то непременно должны были проверить, на месте ли перелаз и не сторожат ли его гвардейцы герцога. И изобрести, как Леаттии преодолеть стену.

Шелковица, к которой стремилась графиня, оказалась на месте, и ни одна ветка не исчезла. Видимо, никто не мог и предположить, что покорная и скромная графиня додумается лазить по деревьям. Леаттия поспешно сбросила накидку и шаль, свернула тючком и привязала за спину приготовленным шнуром, это действие она продумала заранее, готовясь к побегу. Потом решительно приподняла юбки до колен, заткнула подол за пояс и привычно поставила ногу на нижнюю ветвь. Через минуту она была наверху и уверенно продвигалась по толстой ветви к стене. Незнакомец уже тоже добрался до этого места, внимательно следя за ее действиями, и протянул руку, едва Леа оказалась почти рядом.

Спеша оказаться на стене, графиня шагнула чуть шире и едва не оступилась, но крепкая рука вцепилась в ее ладонь, сильно дернула, и в следующий миг Леа уже была крепко притиснута к груди незнакомца.

– Лазать по деревьям ты умеешь, – усмехнулся он, – а вот с выдержкой плоховато. И слишком доверчива. Разве тебе не написали пароль?

– Написали, – от огорчения прикусила губу беглянка. – Но я...

– Говори.

– Вечером будет гроза, – и не подумала упрямыться Леаттия.

Признавать свою неправоту очень непросто, но она этим умением обладала.

– Зато утром будет солнечно, – вздохнул он с откровенным облегчением, и графиня снова почувствовала себя наивной неумехой.

Ведь не одна она рисковала, доверяясь чужим людям, они могли заплатить в случае провала гораздо большим. Герцог никогда не прощал тех, кто осмелился пойти поперек его указов или желаний.

– Уходим. – Пособник уже зацепил за ветку какую-то металлическую штучку, застегнул на талии Леаттии широкий ремень, к которому был привязан второй конец веревки, и подвинул девушку к краю. – Просто держись подальше от стены и поглядывай вниз, чтобы нога не попала между камней. Я сам тебя спущу.

Перекинул веревку через плечо и столкнул со стены не успевшую и слова сказать графиню. Леа испуганно ахнула, но почти в тот же миг пояс ощутимо дернул ее, и графиня заболтала ногами в воздухе.

– Кричать не нужно, – сердито сообщили сверху, и стена, напротив которой висела Леа, быстро поползла вверх.

Вскоре девушка почти успокоилась и вспомнила, что ей велено смотреть вниз. Попыталась изогнуться и расстроенно сжала губы: поднятые юбки и набитые карманы – вот все, что ей удалось разглядеть. Ну еще краешек штанин, заправленных в крепкие дорожные ботинки.

Каменистый склон ударил по пяткам неожиданно, но стоявший на стене незнакомец мгновенно придержал веревку, не давая графине упасть.

Она поспешно пошарила ногами, вставая поудобнее, и расслышала выданный шепотом приказ:

– Прижмись к стене.

Леа немедленно выполнила его, бросилась к ограде, споткнулась и едва не упала, но успела опереться о камень, хотя и ободрала ладонь. Но даже не ойкнула, хорошо осознав за время спуска, как осмотрительно нужно вести себя за пределами своих владений.

Бывших владений, пора посмотреть правде в глаза. Вернуть все, что принадлежало ей всего несколько минут назад, Леаттии не суждено никогда. Больше она не увидит место, где спят вечным сном ее предки, и не войдет в родной дом, в комнатах и залах которого провела, как внезапно выяснилось, лучшую часть жизни.

Только в одном случае графиню Брафорт привезут сюда, но уже под охраной, как преступницу, – если ей не удастся уйти далеко. И этого нужно постараться избежать любым способом, иначе участь ее будет ужаснее, чем у самых бесправных рабов.

Глава вторая

Прист почувствовал неладное, когда вынул из духовки гуся и поставил на разделочный стол немного остыть. Берта обычно к этому времени уже являлась и молча подвигала ему свою тарелку, требуя сложить туда ее любимые части гусяной тушки. Затем он выбирал куски для себя и лишь после этого резал ломтиками оставшееся мясо и красиво раскладывал по блюду, перемежая маринованными овощами и посыпая зеленью. Но и из этого большую часть доедали они с Бертой на ужин, молоденькая хозяйка ела очень мало.

Подождав несколько минут, временно исполняющий обязанности повара и дворецкого соглядатай снял фартук и накинул куртку, скрупулезно проверив, все ли на месте в карманах. Пока неясно, доведется ли сюда вернуться, но всегда лучше быть готовым к самому плохому – не будешь после жалеть о собственной недалековидности.

Шагнув за порог, шпион оглянулся на румяную тушку, приготовленные овощи и накрытый полотенцем свежий хлеб, усмехнулся и крепко прикрыл дверь. Пусть все остается так, если ничего не произошло, этот гусь никуда от него не денется. Зато в случае беды никто не сможет даже заподозрить, будто шпион готовился к побегу.

Дверь в усыпальницу была плотно закрыта, и, едва приотворив ее, Прист убедился в правильности своих действий. Сразу за порогом лежало тело, накрытое черным траурным плащом хозяйки. «Неужели Берта ее убила и сбежала?» – мелькнула первая, безумная мысль, но тут же растаяла, едва шпион рассмотрел видневшиеся из-под плаща башмаки напарницы, слишком хорошо ему знакомые, чтобы ошибиться. Он сам время от времени пришивал к их подошвам куски плотного фетра, для бесшумности.

Выходит, это графиня убила напарницу.

И это не казалось бы особой бедой, если бы герцогская невеста тоже лежала рядом в обмороке. Но ее не было, значит, девчонка оказалась хитрее, чем он думал. И скорый на расправу Кайор не будет выяснять, чем занимался в тот момент Прист. Мгновенно отправит к палачу и сам придет туда же, опробовать какую-нибудь новую игрушку, после которой узник сам будет молить богов о смерти. Следовательно, нужно бежать, и немедленно, и, стало быть, верно он сделал, присмотрев заранее незаметную лазейку на волю.

Прист развернулся, закрыл дверь и, опасливо озираясь по сторонам, помчался к пустой конюшне, откуда наружу вело небольшое оконце для навоза. Как раз впору, чтобы ускользнуть незаметно. Жалеть о прибыльной работе шпион и не думал, давно зная, что однажды придется бежать, бросив все. Потому и не держал своих ценностей ни в банке, ни в бумагах, а прятал очень далеко и надежно.

Леаттия о судьбе шпионов не думала, ей хватало волнений о своей собственной. Едва спаситель спустился со стены, жизнь графини вмиг стала похожа на охоту, причем зверем была она сама. И одновременно на байку о проделках разбойников, и жертвой тоже была Леа.

Незнакомец безапелляционно отобрал у спасенной – или жертвы, решить, что точнее, графиня пока не могла, – тюк с вещами и оттягивающие ее пояс кошель с золотом и драгоценностями. Забрал отцовское оружие, шарф Берты и шляпку Леаттии и сложил все в мешок вместе с веревкой.

А потом задумчиво уставился на графиню и хмуро спросил:

– У тебя под платьем есть еще одежда?

– Да, – бледнея, выдавила графиня.

– Тогда его лучше снять, с длинными юбками здесь замучаешься. А носить тебя я не буду.

Леа с тоской оглядела непроходимые заросли прошлогодних репьев и молодой крапивы, тайком потерла уже обожженную руку и обреченно вздохнула. Она теперь больше не графиня и не наследница знатного рода, а безымянная сирота, и выбирать не приходится.

– Отвернись.

– Нет, – подступил ближе незнакомец. – Сама ты будешь копать полчаса, а время сейчас дороже бриллиантов. Я помогу, и не смотри так возмущенно. Ты ведь сама приняла решение, и назад хода все равно нет.

Решительно ухватил подол платья и потянул его вверх.

Графиня в отчаянии стиснула зубы. Умом она понимала, как он прав, но принять эту правоту сердцем не могла. А сопротивляться или спорить не имела достаточно смелости.

Спаситель же ловко снял с нее одно платье, одобрительно хмыкнул и почти мгновенно стащил и юбку.

Едва сдерживая слезы, Леаттия с вызовом уставилась на бородача... и растерялась, рассматривая, с каким изумлением он изучает надетый на нее мужской жилет.

– Это тоже придется снять, – буркнул бородач, заметив ее взгляд, и словно ненароком пощупал рукав блузы. – Ты натянула всю одежду, какая была в доме?

– В записке было...

– Я знаю, сам писал, – умело и стремительно расстегивая на ней жилет, сообщил он. – Надеюсь, ты ее сожгла?

– И вексель тоже, – отрешенно кивнула беглянка. – А еще все документы, которые не вошли в тайник и не могла взять с собой.

Говорить о том, что тайник запирала еще матушка и она же три дня, роняя горькие слезы, жгла свои дневники, письма отца и записки всех предков, которые имели пристрастие к сочинительству мемуаров, Леаттия не собиралась.

– Понятно, – нахмурился спаситель, заглянул во внутренние карманы жилета, но достать ничего не стал.

Туго свернул все вещи и отправил в свой почти не раздувшийся серый мешок. Взамен достал выцветший синий платок в мелкий горошек и сам накрыл им голову девушки, низко надвинув на лоб и завязав узлом под подбородком. Затем закинул мешок за спину, велел не отставать и торопливо направился вдоль стены в ту сторону, где раньше был пролом.

Леа всхлипнула и крепко стиснула губы, стараясь сдержать готовые брызнуть слезы. Хотя не могла не понимать, насколько незначительна по сравнению с остальными утратами ее последняя потеря – длинная юбка, обязательная только для самых знатных дам. Богатым горожанкам разрешались наряды покороче, едва прикрывавшие щиколотки, а прислуге во дворцах и замках предписывалось шить платья на палец выше края ботиночек. Селянки и бедные служанки и вовсе носили короче на ладонь, и это было правильно, ведь им приходилось частенько нагибаться. И только женщинам, вынужденным путешествовать с обозами, позволялось носить мужские костюмы, но надевать к ним короткую, чуть ниже колена, юбку.

Юная графиня иногда тайком завидовала им всем, когда со всевозможными уловками выбиралась после прогулки из-под испачканного подола. А вот теперь ей, последней наследнице славного рода основателей и властителей Брафорта, вообще никакой юбки не досталось. Больно сжималось сердце и перехватывало непрошеными рыданиями горло от осознания того, как сурово расправилась с ней судьба. Но вовсе не сейчас, когда Леа сама выбрала неизвестность и бедность, предпочтя их участи жертвы собственного мужа и понимающим взглядам всезнающих слуг и приближенных Манреха. А много раньше, год назад, когда так страшно и непонятно погиб отец, оставив их с матерью без последней защиты и поддержки.

Некоторое время, постепенно успокаиваясь, Леа покорно брела следом за незнакомцем, раздвигая руками сорняки и ветви. И с каждым шагом все яснее понимала, как не права была несколько минут назад, так огорчаясь из-за потери привычных юбок. Сейчас ей пришлось бы

тащить длинный подол амазонки, по моде обязанный подметать позади пол, вместо того чтобы следить, как бы не оцарапаться о сухие стебли сорняков и не обжечься о вымахавшую выше пояса злую, как стая ос, крапиву.

– Скоро придем, – мельком оглянувшись, буркнул провожатый, резко свернул вниз, в сторону медленной, но довольно широкой Терсны, и пошел еще быстрее.

Леа промокнула платочком мокрое лицо и тут же рассердилась на себя за эти несвоевременные слезы. Плакать нужно было раньше, когда она еще не была уверена, что хранящие род Брафтортов духи однажды услышат ее мольбы и пошлют способ избежать проклятого союза. Леа с детства не выносила боли и до дрожи боялась и ненавидела тех, кто способен ее причинить. Особенно палачей. И хотя, повзрослев, неохотно приняла неизбежность телесных наказаний, но лишь заслуженных, в ответ на боль и горе, причиненные разными негодьями своим жертвам.

И тем не менее никогда не ходила на площадь, когда там кого-нибудь пороли, и настрого запретила слугам обсуждать жуткие зрелища, справедливо считая это смакование признаком дурного вкуса и воспитания.

Графиня задела рукой пышную ветку крапивы, зашипела, получив ее обжигающий дар, и потеряла влажным платочком пострадавшее место, обещая себе перестать раскисать и плакать в самом начале ведущего в неизвестность пути. Наверняка на новой жизненной тропе поводов для слез у нее будет предостаточно.

– Сюда, – приподняв низко склонившуюся ветку ивы, скомандовал спаситель, и Леа послушно шагнула на узкую полоску сырого прибрежного песка. – Стой там и не шевелись.

Девушка пожала плечами и замерла, глядя на Терсн, спокойно несущую мимо нее свои воды. Глупо спорить с единственным отважившимся прийти ей на помощь жителем герцогства, а тем более начинать проверять правильность его действий. Ведь до сих пор все, что делал незнакомец, было вполне разумно, и указания ей он прислал четкие и логичные. Непонятно пока, почему не велел брать с собой никаких запасных вещей и еды, Леа уже не против перекусить. Как выясняется, такие прогулки весьма полезны для аппетита.

Девушка осторожно покосилась через плечо назад, туда, где минуту назад находился ее спаситель, и обмерла от ужаса. Поблизости никого не было. Леа даже головой мотнула, отгоняя страшную догадку, казавшуюся самой верной из всех возможных и идеально подходящую случаю. Ее обманули пронырливые воры, добывшие где-то для образца письмо матери, что особого труда не составляло, – матушка до последнего переписывалась с просителями и знатными горожанами.

А она поверила и своими руками отдала все – и украшения, и деньги до последней монетки, оставив на пальце лишь фамильную печатку, а на шее – родовой амулет. И теперь ей не на что купить даже кусок хлеба и какую-нибудь одежду. А в таком виде выйти на улицы города невозможно, особенно днем. Да и не найдет она дороги назад, а если и найдет, то лишь до той же стены, от которой недавно ушла.

От отчаяния и горя девушке хотелось взвыть во весь голос, но горло перехватил спазм, позволивший лишь горько всхлипнуть.

– Тише, – шикнуло откуда-то сверху, и Леа мгновенно перевела взгляд туда.

По склонившемуся к воде стволу осторожно полз к реке ее спаситель, толкая перед собой мешок с вещами. С этого момента девушка не сводила с него взора, пытаясь понять, ради чего он туда залез и почему не мог выйти на берег вместе с ней. А бородач постепенно добрался почти до конца ветви и вдруг, перегнувшись, опустил мешок вниз. Леа замерла, ожидая всплеска, но его почему-то не было.

Наверное, мешок не сразу ушел в воду, а поплыл, подумалось графине, но утверждать категорично она не стала бы. Из-за уже выпустивших листочки густых ветвей и прибрежных

камышей рассмотреть ничего не удавалось, и девушка обреченно вздохнула, начиная догадываться, что следовало распрощаться со своими ценностями заранее, тогда обида жгла бы душу не так остро.

А мужчина соскользнул с ветви, повисел на вытянутых руках несколько секунд и исчез столь же бесшумно, как и ее вещи. Сердце Леаттии снова сжалось от страшного предчувствия, но она даже не пошевелилась. Крепко стиснув в пальцах измятый и сырой платочек, упрямо смотрела туда, куда упал ее загадочный спутник, и терпеливо ждала сама не зная чего. Секунды текли неторопливо, как загустевший мед с ложечки, и казалось, вместе с ними замерло все вокруг: медлительная река, утомленный полуденный ветерок и притихшие птицы.

Камыши раздвинулись внезапно, выпуская что-то темное, облезлое и неприятное, и графиня невольно отшатнулась назад, почувствовав неодолимое желание бежать отсюда как можно дальше. Но не побежала, помешало какое-то чувство, то ли врожденная гордость, то ли надежда, а скорее всего, фамильная сдержанность, с какой все отпрыски ее рода обязаны встречать неожиданности и неприятности и какой Леа до сих пор в себе не находила.

Темное старое дерево выплывало из камышей неспешно и неотвратно, и графиня наконец догадалась, что это такое. Лодка, но и близко не такая, какие она видела до этого дня. С другой стороны холма, на котором стоит их небольшой замок Гардез, построена надежная каменная пристань. Берег Терсны там расчищен, и с набережной к пристани ведет широкая гранитная лестница. Леа с детства обожала там гулять и кататься на лодке, но после смерти отца не ходила на набережную ни разу. И все равно хорошо помнит, как выглядели снующие по реке крутобокие ялы, низкие плоскодонки и белокрылые яхты. Все они сияли свежей краской, стеклами иллюминаторов, полированным деревом кают и жарко начищенной медью всевозможных ручек и болтов.

А эта словно пролежала на берегу лет двадцать, и странно, что еще не развалилась от дряхлости.

– Быстро сюда, – сердитым шепотом приказал стоящий на корме бородач и изогнулся, упираясь шестом и подгоняя лодку ближе. – Ну!

Низкий борт плоскодонки оказался в паре локтей от графини, и она вполне могла бы их преодолеть, если бы кто-то подал руку. Но никого, кроме строгого незнакомца, в лодке не было, и Леа не могла представить, как ей туда попасть без посторонней помощи. Стояла и смотрела, как двигается мимо ее надежда на спасение, не в силах решиться на отчаянный шаг и чувствуя, как от безысходности начинают дрожать губы.

– Ну! – грозно рыкнул спаситель, чуть повел шестом, и лодка послушно вильнула к берегу.

Леа нерешительно наступила ботинком на зыбкую границу суши и почувствовала, как подался под ногой мокрый песок. Отпрянула было назад, но не успела. Бородач стремительно нагнулся, схватил ее за предплечье и одним рывком втащил в лодку, бросив к своим ногам, как котенка.

И тут же отпихнул подальше, перехватывая поудобнее шест. Леа приподнялась, потирая ушибленное колено, и, едва сдерживая слезы, с горечью поздравила себя с удачным выбором. Раньше ее бил бы только собственный муж, а теперь, похоже, будут все кому не лень. Да еще и в ботинке хлюпает, непонятно как, но она умудрилась зачерпнуть воды.

– Давай сюда башмаки, – еле слышно приказал бородач, удерживая шестом лодку. – Да побыстрее!

Леа села на черную доску, заменяющую здесь привычные ей скамейки с резными спинками, покорно стянула единственную обувь и сунула в протянутую ладонь незнакомца. И едва не охнула, увидав, как ловко он зашвырнул ботинки на берег, туда, где она стояла несколько секунд назад.

– У меня запасных нет, – обреченно проговорила девушка, стеснительно поджимая босые ступни.

– Знаю, – прошипел спаситель, в пять взмахов отогнал лодку от берега, закрепил в петлях шест и перебрался на середину развалины, держащейся на воде лишь по недоразумению. – Иди туда, придется немного посидеть в ящике.

– В каком еще ящике? – не поняла Леаттия, оглянувшись и не поверила своим глазам.

Одна из досок, накрывавшая кормовую часть лодки, была приподнята, и под ней темнело отверстие, ведущее в крошечный, размером с собачью будку, трюм.

– Тебя будут искать. – Покопавшись в снастях, незнакомец достал фляжку, открыл крышку и сделал несколько глотков. – Пить хочешь?

– Нет, – качнула головой Леаттия, понимая, как мало сейчас ее жизнь зависит от каких-либо желаний. – Я там не помещусь.

– Поместишься, – уверенно заявил он, – калачиком. Там лежит плед, ноги прикрой, чтобы не простыть. Но сначала сними печатку и амулет, на тебе где-то маячок.

И уставился ожидающе, не оставляя девушке никакого выбора.

Леа горько усмехнулась – смешное объяснение, но спорить снова не стала, сняла последние родовые драгоценности и сунула ему в руку.

Через пять минут она уже лежала, подтянув колени к груди, в темном тесном ящике и с тоской поглядывала на маленькую дырку от сучка, единственный источник света и свежего воздуха. И лишь одно обстоятельство давало слабую веру в правильность сделанного выбора. Засунутый Леаттии под голову серый мешок с ее одеждой и драгоценностями.

Глава третья

– Ваша милость, просыпайтесь! Ваша милость...

Еще не до конца вынырнув из дремы и пока не открывая глаз, Леаттия неверяще вслушивалась в робкий женский голос, и в ее душе поднималась буря протеста и отчаяния.

Неужели она дома?

Выходит, все это был просто сон? Спуск со стены, крапива, река, утлая лодчонка... пропахший рыбой ящик, уверенный, хотя и почти неслышный плеск весел...

Леа разочарованно вздохнула, шевельнула рукой, собираясь привычно поднести к глазам платочек, и едва не охнула, задев одежду оцарапанной ладонью. Значит, побег ей не приснился? Как и река, брошенные на песок ботинки и бесконечное мерное покачивание плывущей куда-то лодки? Вот под него она и уснула, устав плакать от жалости к самой себе и обманутым чаяниям родителей.

«А может, нас поймали и меня привезли назад?» – встревожилось все ясное сознание. Или даже сразу во дворец, принадлежавший когда-то ее прадеду?

Нет, только не это... пусть будет все что угодно, только не туда.

Девушка тихо всхлипнула, мотнула головой и тотчас услышала огорченный вздох.

– Ваша милость, – позвали ее смутно знакомым голосом.

– Да? – понимая, что деваться некуда, встать все-таки придется, обреченно буркнула Леаттия и открыла глаза.

Несколько секунд рассматривала светлеющее над ней узкое отверстие, склонившийся к нему темный, явно женский силуэт, и в душе начинала разгораться почти угасшая надежда. Девушка попыталась выпрямить ноги, уперлась ступней в доски и наконец уверилась, что по-прежнему лежит в трюме старенькой плоскодонки.

– Ты кто? – хрипловато осведомилась она, вглядываясь в темный силуэт.

– Имен нам пока называть не положено, – удрученно вздохнула приходившая с векселем женщина и оглянулась на кого-то невидимого. – Борода запретил. Чего не знаешь – того не выдашь. Но ваша милость может звать меня тетушкой.

– Я больше не «милость», – вспомнила Леа собственные размышления и невесело усмехнулась. – А новое имя еще не придумала.

– Ты теперь считаешься нам племянницей, пока не доберемся до места, – подозрительно быстро согласившись с заявлением графини, пояснила спутница и предложила: – Давай руку, помогу выбраться. Пора переодеться и поесть.

– А... – вспомнив о более насущных проблемах, заикнулась графиня и вдруг сообразила, как многого не знает о жизни простых людей.

Где они умываются, что едят, как спят... и прочие, очень важные мелочи. Но что обитого бархатом кресла и ночного горшка для нее никто не припас, уже начала догадываться. Как и о том, сколько придется перенести насмешек и пренебрежительных взглядов, пока она изучит все премудрости жизни, в которой необходимо уметь все делать самой и обходиться самым малым.

А ведь она до этого момента считала себя очень неглупой и образованной девушкой, изучала языки соседних государств, их законы и традиции, историю, искусства и ремесла. Но даже не представляла, с чего нужно начинать чистить рыбу или простую морковку.

Женщина помогла девушке вылезти из ящика, одернула на ней блузки и подала простенькие парусиновые туфли. Явно ношенные, зато подошедшие по размеру. И молча повела куда-то по проложенной сквозь камыш тропке из срезанных стеблей. Очень скоро они пришли к стоящему под ивой шалашу, возле которого уже что-то варилось в закопченном котелке, пристроенном над малюсеньким бездымным костерком.

– Переоденемся в кустах, – предупредила спутница, подхватила стопку лежащей на мешке одежды, и они отправились дальше, по такой же узкой тропке.

На маленькой полянке, загороженной со всех сторон камышом и густыми кустами, бил из-под пня крохотный чистый родник, и новоявленная тетушка внезапно предложила свежее испеченной племяннице раздеться. И с сочувствием сказала, глядя во встревоженное лицо графини:

– Меня тебе не нужно бояться. И Бороду – тоже. Ты же умная девушка, должна понимать: хотел бы он тебя убить – просто сбросил бы с лодки на стрежне. Ведь все самое ценное ты ему отдала сразу. Пойми, везти тебя через границу в таком виде нельзя, жених небось уже везде отправил сыскарей и глашатаев с портретами. Поэтому придется менять внешность.

Леа пристыженно кивнула и начала раздеваться.

– Ох, темная сила, да они не кормили тебя, что ли? – не выдержала спасительница, когда последняя блузка легла в довольно внушительную кучку. – И как только не задохнулась во всем этом. Ну, начнем, а то есть уже хочется.

Мастерство перевоплощения тетушка, пояснившая, что занимается травами, знала отлично, и меньше чем через час русоволосая и белокожая Леаттия стала смуглой брюнеткой с густыми черными бровями и вытянутыми к вискам глазами. Тоже почти черными, пара капель какого-то зелья мгновенно погасила яркую фамильную синеву.

Преображение завершил принесенный травницей наряд: темно-синее прямое платье с разрезами по бокам, выглядывающие из-под него тонкие шаровары того же цвета и знакомый уже Леаттии платок в горошек. Только теперь его полагалось носить по-другому, низко надвинутым на лоб, завязав два конца на затылке. Свободные концы платка при этом падали на спину, поверх просто заплетенных кос.

– В Югрете сейчас много беженцев из Харказа, – охотно поясняла травница все свои действия, попутно смазывая зельем ссадины и царапины графини. – После трех лет засухи там голодно и свирепствуют болезни. Все, кто могут работать слугами или наемниками, переехали в наше герцогство и в соседнюю Банлею. А у тебя в Югрете была я, родная младшая сестра твоей матери.

– Значит, я сирота? – понимающе кивнула Леаттия, признавая правильность временной легенды. – Но откуда тогда взялся Борода?

– Он мне кузен, – с тонкой усмешкой пояснила травница, – и тоже знахарь, а живет в небольшом городке. В столицу приезжает редко, по делам, но всегда меня проводывает. А в этот раз, узнав, что я приютила племянницу, пригласил пожить у него, следить за хозяйством и помогать собирать травы. В трудные времена выживать вместе всегда легче.

– А в Брафортском герцогстве тоже трудные времена? – задумалась графиня, к стыду своему начиная понимать, как мало интересовалась бедами своей маленькой страны последние пару лет.

Сначала ее волновала предстоящая свадьба и редкие встречи с женихом, потом – смерть отца и болезнь матери. А теперь – только мысль о том, как избежать ставшего вмиг ненавистным союза.

– Они сейчас везде нелегкие, – уклончиво вздохнула тетушка, споласкивая в родничке руки и мисочку из-под краски.

Все оставшиеся зелья женщина очень тщательно и умело перелила во флаконы и упаковала в висевшую за спиной лекарскую походную суму, Леаттии уже приходилось видеть такие на рыночной площади, в рядах травниц и знахарок.

– Кстати, – уже собравшись уходить с полянки, оглянулась травница, – теперь можешь звать меня Сандией, под этим именем я прожила на окраине Югрета несколько лет. Можно коротко – Санди. А тебя мы пока будем звать Лайной, в Харказе это распространенное имя.

Увез туда когда-то мою сестренку черноглазый красавец... Ну, дальше придумай сама. А если язык знаешь, то и вовсе можешь по-нашему не понимать.

– Знаю я язык, – сказала по-харказски Леа и тихо вздохнула.

Все правильно они делают, ее свежеепеченные дядя и тетя, осторожность сейчас важнее всего. Но как же больно осознавать, что вместе с именем, внешностью и отчизной исчезают последние крохи целого мира, еще недавно бывшего гордой наследницей рода великих основателей Брафорта.

– Отлично, – обрадовалась Санди, тоже переходя на харказский. – Значит, так и будем разговаривать. В Югрете этот язык мало кто знает, предпочитают учить банлейский.

– Его я тоже знаю, – хмуро буркнула беглянка, остро жалея наивную и доверчивую девушку, отдавшую почти пять лучших лет своей жизни изучению языков и законов, без которых, как искренне тогда считала, просто не обойтись будущей герцогине Брафортской.

И отец с матерью ее не разубеждали, как и жених, всего пять-шесть раз в год приглашавший невесту на самые большие торжества. И с неизменной твердостью отправлявший ее домой, едва заканчивалось праздничное застолье и начинался бал. Фейерверками и магическими картинками Леа любовалась с балкона родного замка.

Но только недавно начала понимать, почему родители всегда так рьяно поддерживали ее нареченного в этом вопросе. Наверняка опасались, что в праздничной толчее дочь услышит или увидит нечто, не предназначенное для ее глаз и ушей, и начнет интересоваться вещами, которых они не смогут объяснить. Или не имеют права... сейчас это совершенно не важно.

На полянке, где недавно горел костерок, уже не осталось от него и следа. Лишь стояли на стареньком одеяле две миски с вареной рыбой и на салфетке лежал поломанный кусками хлеб.

– Садись, – кивнула знахарка. – Поедим и отправимся дальше. Умеешь есть рыбу?

– Не знаю, – ошеломленно пожалла плечами графиня, с тоской признавая себя еще большей неумехой, чем считала еще утром.

– Значит, не умеешь, – спокойно постановила Санди. – Это и немудрено. Повара обязаны позаботиться о том, чтобы на стол господам не попало ни одной косточки. Прежде чем готовить рыбу, все вынимают специальными щипчиками. А мне так копать некогда было, сварила попросту, по-рыбацки. Впрочем, все бедняки и ремесленники так едят.

– О боги, – расстроилась Леа, рассматривая лежащие перед ней толстые куски. – Как же я проживу?

– Человек ко всему приспосабливается, если хочет жить, а не оплакивать прошлое, – почти равнодушно заметила сотрапезница, но ее взгляд, случайно замеченный графиней, был очень внимательным.

– Я уже все оплакала, что могла, – хмуро фыркнула Леаттия. – Но даже не думала, что настолько не приспособлена к жизни.

– Всему научишься, – тихо пообещала травница. – Я помогу, если хочешь. Просто не стесняйся спрашивать... и поторопись. Возможно, наши пути скоро разойдутся, я просто помогала, и не бесплатно.

– Я что-то должна? – насторожилась беглянка.

– Нет, со мной расплатится Борода, – коротко отказалась Санди, предоставив Леаттии догадываться, что она хотела этим сказать.

С рыбой они расправились за полчаса, как выяснилось, не было ничего сложного в том, чтобы выбирать косточки. Просто тщательно осматривать каждый кусочек, прежде чем класть его в рот, ну так Леа всегда ела очень аккуратно и неторопливо.

Потом травница сложила недоеденную рыбу в одну миску, накрыла другой и сделала из салфетки узелок, мимоходом сообщив, что тут им как раз хватит поужинать.

– А Борода? – спросила девушка просто из вежливости и нахмурилась, почувствовав нежелание спутницы отвечать.

– Он уже поел. Держи одеяло, я понесу рыбу. Идем, да смотри под ноги, с гати в сторону не сходи. Ну, с тропки, по которой мы пришли.

Леа только кивнула, обещая себе поменьше задавать вопросов, побольше смотреть по сторонам и бдительнее наблюдать за спасителями. Пять минут назад ей почти в открытую сказали, что спасали ее не из жалости или ненависти к герцогу, а ради какого-то собственного интереса. Это не могло не настораживать, насколько Леаттии известно, проявляемый чужими людьми к молодой девушке интерес бывает всего двух видов: нажива и похоть.

И ее не устраивал ни один вариант.

Вот только сделать уже ничего нельзя... хотя у каждого в запасе на крайний случай всегда есть самый последний и самый нежеланный выбор. Но сначала нужно испробовать все остальные пути, даже если они приведут в крестьянскую или рыбацкую хижину.

Леа обреченно вздохнула и силой воли подавила рвущиеся наружу слезы, начиная догадываться, что никого они здесь не тронут.

Камыши расступились, выпуская спутниц на заросший травой берег, и девушка снова озадаченно замерла, рассматривая парусный ялик, стоявший на том месте, куда два часа назад причалила их хлипкая плоскодонка.

– Влезайте быстрее. – Бородач перебросил через борт широкую доску с набитыми на ней рейками и строго глянул на запаниковавшую графиню: – Когда ты уже перестанешь трястись и пугаться собственной тени?

– Не знаю... – выдавила Леа, хватаясь за протянутую ей руку и мрачно усмехаясь наивности его вопроса.

Когда почти три декады дрожишь от ужаса, представляя собственное будущее, не так просто за полдня поверить, что самое страшное уже позади и впереди нет никаких ловушек и предательств.

– А зря, – буркнул он, ловко поймал девушку и легко, как пушинку, переставил на крохотный пятачок дощатого настила, который никак не тянул на звание палубы.

Сердито зашипел и отвернулся забрать у Санди одеяло и миску. Небрежно отставил вещи в сторону, перенес в ялик знахарку и скомандовал:

– Идите отдыхать в каюту, к ужину придем в Лахту.

– Это хорошо, – кивнула травница и первая, пригнувшись, нырнула в крохотную каморку, устроенную на корме ялика.

Леа недоверчиво заглянула в полутемный низенький чуланчик, стиснула зубы и полезла следом за спутницей, очень сомневаясь, что они сумеют там поместиться, тем более отдохнуть.

Но Санди уже лежала на одной из узких боковых полок, между которыми оставался тесный, всего в пол-локтя проход. Стоять во весь рост в этом закутке было невозможно, только лежать или сидеть, почти упираясь головой в потолок.

Пришлось прилечь и Леа, хотя она хорошо выпалась.

И сейчас больше всего хотела поговорить, выяснить, зачем они идут в Лахту, маленький городишко, расположенный на берегу озера Горнео, в которое впадает Терсна, делясь в устье на несколько десятков больших и малых рукавов. Но начинать расспросы не решалась, боясь нарушить какой-нибудь запрет грозного Борода и разозлить его еще сильнее.

– Постарайся смотреть на людей посмелее, – первой заговорила свежеиспеченная тетка по-харказски. – Беженки с юга довольно общительны и открыты. Хотя и тихие бывают, но в основном замужние. Закон у них такой, раньше мужа слова сказать нельзя. Но среди переселенцев больше вдов и девушек, которые жили в городе и работали прислугой, а такие тихими не бывают.

– Боюсь, служанку мне изобразить пока не удастся, – тоже по-харказски печально призналась Леа. – Как оказалось, я умею лишь чай наливать и сахар в чашечку класть. Пока отец

был жив, мы держали шесть слуг, повара и дворецкого. А потом, когда они все сбежали... пришли Прист и Берта... шпионы герцога.

– Давно ты это знаешь? – бросив на пол старое одеяло, сел напротив распахнутой дверцы Борода, поставил перед собой миску и начал жадно есть вопреки утверждению травницы.

– Нужно было больше рыбы варить, – искренне огорчилась Санди.

– Не волнуйся, если бы было очень нужно, я бы поймал еще. Сейчас нам важнее уйти подальше. Если успеем до темноты добраться до Лахты, скажем, что были на Шлесских холмах. Это самый удачный вариант. Но загадывать не будем. – Он пронзительно глянул на Леаттию: – Так как давно ты раскусила своих слуг?

– К сожалению, не очень, – со вздохом честно призналась та. – После гибели отца мне было все равно, кто варит суп и убирает в комнатах. Матушка, наверное, знала. Как я теперь припоминаю, она им совершенно не доверяла и вела себя с несвойственной ей надменностью.

– А потом? – упорно подтолкнул ее к признанию спаситель, и Леа, признав справедливость этого требования, горько вздохнула.

– В день смерти матери я обнаружила, что совсем не знаю своего жениха, и прозрела... у меня было больше луны, чтобы все припомнить, сопоставить и понять.

– Женские обиды зачастую недолговечны, – вздохнула знахарка. – Принесет любимый мужчина охапку цветов, посмотрит виновато и нежно, наденет на шею ожерелье... вот и конец ссоре.

– Только не в случае со мной, – упрямо качнула головой Леа, наконец-то осознав, чего они боятся. – Герцог мне вовсе не любимый. Хотя со стороны определенно выглядело, будто я в него влюблена, но это было просто детское обожание, всем малышам нравятся сильные люди, которые могут их защитить. И оно мгновенно прошло, когда я узнала, что он жестокий изувер. А потом припомнила осторожные намеки и сплетни, в которые прежде не могла поверить, и поняла многое, чему до этого не придавала значения.

– А вдруг тот, кто рассказал тебе про жестокость жениха, солгал? – Карие глаза бородача смотрели пристально, словно на экзамене, и беглянка невольно усмехнулась.

– Я сама видела.

Теперь она почему-то могла об этом даже говорить, а в первые дни старалась отогнать от себя жуткие воспоминания и не гасила на ночь свечи, боясь увидеть страшную сцену во сне.

Спутники некоторое время молчали, «тетя», хмурясь, изучала собственные ногти, «дядя» торопливо доедал остатки рыбы, подбирая хлебом жир.

– Ваша милость... – наконец проговорила знахарка, и Леаттия решительно ее остановила:

– Лайна. Ее милости больше нет. Я никогда не вернусь туда, потому что совершенно не выношу людей, способных причинить кому-то боль просто так, не в бою. А особенно ненавижу, когда здоровые, сильные мужчины бьют женщин и детей, у меня все кипит тогда в душе... и если бы я могла издавать законы, то за издевательство над слабыми приговаривала бы к каторге в каменоломнях.

– Кого он бил? – остро глянул на нее бородач.

– Фаворитку... У несчастной все тело было в страшных рубцах, а он все хлестал... и на лице такое мерзкое блаженство... – Леа передернула от отвращения плечами и смолкла.

Хотя со временем она и осознала, что стыдно должно быть вовсе не тому, кто случайно подсмотрел такую гнусную картинку, но спокойно говорить об этом вслух не могла.

– Это не ревность, – уверенно заявила Сандия и облегченно выдохнула. – Хвала богам.

– Разумеется, не ревность, – пренебрежительно фыркнула беглянка. – Я вообще не ревнивая. И давно знаю про любовниц герцога, он именно из-за них со всех праздников отправлял меня домой пораньше. Как мне объяснили родители, чтобы я с кем-нибудь не столкнулась случайно... девушки завидуют и могут наговорить колкостей или сделать какую-нибудь гадость.

– Про родителей поговорим позже. – Борода решительно поднялся на ноги и направился на нос лодки.

И только в этот момент Леаттия заметила мелькающие за бортом заросли камышей, серебристые купы верб на островках и осознала, что ялик стремительно несется по протоке, а у руля никого нет.

Глава четвертая

– Давай я расскажу тебе о Лахте, – через некоторое время предложила знахарка, и Леа согласно кивнула.

Как ни досадно признавать свое невежество в самых обыденных для большинства людей делах, обида вовсе не должна стать главным из ее чувств. Теперь беглой графине важнее всего исправить недостатки собственного воспитания и выучить все, что знает любой селянин. И вряд ли это займет много времени, ведь, судя по ее личным наблюдениям и рассказам прислуги, сельские дети уже к пяти годам отлично разбираются в делах родителей.

Некоторое время она внимательно слушала, задавая вопросы в непонятных местах и уточняя показавшиеся странными детали. Например, почему засолочные стоят прямо на берегу озера, ведь это портит вид городка с воды.

– Накладно это, – поощрительно улыбнулась Санди. – Сначала возить рыбу в засолочные, потом отходы к озеру. Да и колодцы бить придется, насосы ставить, лошадей гонять. Ну и воровать будут, чем дальше возчик везет – тем меньше привезет. Но и это не главное, время ценнее всего. Неразделанная рыба летом всего несколько часов остается свежей, потом можно выбрасывать. Потому и идут поутру к причалам все, кто хочет заработать или поесть свежей ухи, хозяева засолочных платят на выбор, рыбой или медью.

– Леаттия! – Стоящий у руля бородач негромко окликнул графиню, и она тотчас отозвалась:

– Я слушаю.

– Вот, – мрачно фыркнул он. – Слышала, Санди?

– Да, – огорченно согласилась знахарка. – Будем исправлять.

– Да не хиной, – непонятно отозвался главарь их маленькой команды. – Лучше солью.

– Сама знаю, – беззлобно огрызнулась Санди, доставая из лежащего у нее под головой узла крохотную медную солонку с крышечкой, и пояснила графине: – Оглядываться или отзываться на свое родное имя ты не должна ни в коем случае, ни на плач, ни на крик, ни на предупреждение. Даже вздрагивать не должна, это старый метод ловить беглецов. Кричат: «Дено, поберегись!» – и Дено тотчас оглядывается.

– А если кто-то оглянется из любопытства или просто так? – засомневалась в верности этого метода графиня.

– Сыскари схватят всех, потом разберутся. А мы сейчас будем учить тебя, и за промахи придется сосать щепотку соли.

К тому времени как солнце закатилось за дальние холмы, оставив за собой на небе лишь розовый, медленно таявший, как сожаление, след, беглянка почти возненавидела и соль, и собственное имя.

Но вынуждена была признать действенность этого варварского метода. Едва услышав имя Леаттия или просто Леа, девушка чувствовала на языке вкус крупных сероватых кристаллов и не испытывала никакого желания оглядываться, а тем более отзываться.

– Хотя сыскари используют этот способ лишь после того, как убедятся в бесполезности поисков и допросов, – чуть виновато призналась Санди, сползая со своей полки и выбираясь из каютки, – лучше подготовиться заранее. Идем поглядим на вечерний город, здесь это лучшее зрелище.

– А если нас увидят? – засомневалась беглянка.

– Непременно увидят, – знахарка явно улыбалась, – нам же добираться до дома. Но ничего нового не обнаружат, ты уже три месяца живешь с нами. И все тебя успели разглядеть. И знают, что ты помогаешь собирать травы, на Шлесских холмах все цветы и деревья распускаются раньше.

– А руки? – вспомнила собственный опыт графиня.

– Мы придем почти в темноте, никто руки рассматривать не будет, – отмахнулась травница, но Борода думал иначе.

– Возьми ореховый сок и протрите ладони, – скомандовал он подельнице. – Нельзя упускать ни одной мелочи. А ты, Лайна, запомни: ни с кем не разговаривай, ни на какие вопросы не отвечай, взгляд не поднимай. А если заговорят по-харказски, скажи – пусть спросят дядю.

Городок постепенно приближался, ялик теперь преодолевал воды Горнео неспешно, как и положено маленькому суденышку. На западе так же тихо гас закат, и в ответ зажигались огни в окнах поднимающегося по склону холма городка. Возле причалов, где скопление огней было гуще всего, застыло на ночлег несколько различных судов и лодок, и последние шедшие в порт ялы спешили к ним присоединиться. Мирная, спокойная картина, однако и близко не дотягивающая до зрелища, как наяву видевшегося Леаттии.

Порт Югрета, построенный там, где делилась надвое самая широкая протока Терсны, в день ее семнадцатилетия с реки казался сказочной шкатулкой, наполненной разноцветными огнями. Зарево горевшего над башнями дворцов волшебного фейерверка отражалось в темной воде, и с яхты, на которой родители катали Леа в честь ее второго совершеннолетия, девушке чудилось, будто она, как легендарная принцесса, плывет по заколдованному феями озеру к своему принцу.

Но только поздно вечером усталая и счастливая виновница торжества узнала, что свадьба будет через три года, после ее третьего совершеннолетия. Правнучке великих герцогов не пристало спешить с замужеством, как какой-нибудь безродной бесприданнице. А еще ей нельзя ошибаться и принимать окончательное решение, не продумав всех последствий этого важного шага.

– Конечно, это не Югрет, – правильно поняла ее молчание Санди, – но мы привыкли и нам даже нравится.

Ялик подошел к причалам, и знахарка заторопилась. Повесила Леаттии на шею дешевый оберег, поправила ей волосы и перевязала платок, потом подала легкий, пышный мешок с двумя веревочными лямками.

– Давай помогу повесить на спину... не давит?

– Нет. – От волнения графиню слегка трясло, но она старалась держаться, убеждая себя, что ничего плохого ее не ждет.

На первом балу в герцогском дворце было намного страшнее.

Она тотчас же посмеялась над собственными доводами. Тогда рядом были родители, а Манрех зарычал даже на шута, когда тот попытался над ней посмеяться. И лишь теперь ей понятно, почему тот весь вечер выглядел таким угрюмым. Герцог никогда не забывал про обещанные наказания.

– Не волнуйся, – строго глянул на девушку бородач, – пока мы рядом, никому тебя не поймать.

Леа признательно ему улыбнулась и внезапно отметила, что их главарь за последние полчаса весьма изменился. Борода теперь была чернее, короче и много ухоженнее, чем днем, и на щеках соединялась с узкими, аккуратно постриженными бакенбардами.

А еще изменилась одежда, и хотя Леа не видела, чтобы бородач переодевался, но все его вещи сейчас выглядели намного добротнее и солиднее, начиная со шляпы, уже и близко не напоминающей пастуший колпак.

Но сильнее всего девушку поразила лодка, на которой они приплыли. В полумраке быстро надвигающейся ночи можно было разглядеть немного, но дверцы, которую открыл перед ними «дядя», когда ялик пристал к выступающему в озеро деревянному причалу, раньше точно не было. Да и ялик теперь нужно было называть ялом или даже баркасом, насколько разбиралась в этом выросшая у реки графиня.

– Я первый, подам руку, – бросив на пирс конец сходней, предупредил бородач, и через минуту все они уже стояли на пропахших рыбой и водорослями сырых досках причала.

– Иди за мной, – потянула девушку Санди, за плечами которой висел такой же тюк, и зашагала впереди, изредка предупреждая о валявшихся на пути мешках или привязных веревках.

Леа изо всех сил старалась смотреть только под ноги, понимая, сколько хлопот доставит спасателям, если поскользнется и свалится в воду. Никаких перил или ограждений тут не было и в помине, лишь торчащие толстые колья, за которые хозяева суденышек привязывали их к причалу. Леа смутно помнила, что на Горнео почти никогда не бывает таких штормов и бурь, как на море, зато по весне озеро сильно поднимается, заливая все низины.

Именно поэтому на его побережье мало крупных поселений, все большие города построены на холмистых берегах Терсны и Банга, впадающего в Горнео с востока. А такие городишки, как Лахта, стоят на высоких участках берега, и в центр городка, никогда не попадающий под весенний разлив, нужно подниматься по длинной лестнице.

Леа впервые видела такую, где ступени вырублены только на самых крутых участках, а весь остальной подъем приходится преодолевать по пологой тропе, изредка делающей причудливые повороты.

К подножию этой лестницы прилепилось несколько неказистых навесов, и там стояли столы и ужинали те, у кого не хватило сил терпеть до дома. Или просто не было желания готовить самому. Рядом с навесами бойкие рыбацки жарили на переносных жаровнях рыбу, моллюсков и лепешки, варили тройную уху и вино со специями.

– Добрый вечер, мастер Джар, – раздавались вежливые приветствия, когда они проходили мимо ужинающих. – С добычей вас.

– Спасибо, – коротко отзывался бородач и молча шел дальше, но возле одной из жаровен остановился, достал из кармана потертый кошель. – Собери нам ужин, Нетта, как всегда. Ну, если сиги свежие, можешь положить парочку, они у тебя удаются.

Санди возле него не остановилась – тяжело шаркая, словно весь день провела на ногах, продолжала идти вперед, и Леа, старательно не поднимая взгляда, последовала за ней. Ей почему-то казалось, что все сразу поймут, что она не та девушка, которая жила тут до нее, а еще все сильнее волновало, куда она делась, та, прежняя Лайна?

Чем выше они поднимались, тем свежей становился ветерок и темнее ночь. Леаттия уже с трудом разбирала дорогу и смотрела только под ноги, не обращая внимания на домишки, мимо которых они проходили. А те, чем дальше, становились все более основательными и ухоженными. Если снизу по сторонам от тропы теснились маленькие неопрятные хижинки на высоких бревенчатых сваях, чем-то похожие на нахохлившихся цапель, то теперь они шли мимо домиков, поднятых на высокие каменные фундаменты, с добротными лестницами, ведущими сразу на второй этаж.

– Устала? – обернувшись к девушке, спросила знахарка по-харказски и добавила: – Почти пришли. Не устаю радоваться, что купили домик не на верхних улицах. Хоть и пришлось в половодье жить среди озера, зато теперь ходить до причала недалеко.

Леа смолчала, понимая, что Санди просто объясняет ей те вещи, какие почему-то не захотела говорить на лодке, и ничуть ее за это не винила. По появившейся у нее в последнее время привычке девушка старалась обдумать сказанное ей и понять тайный смысл, спрятанный за кажущимися обыденными фразами. Ее шпионы часто перебрасывались такими замечаниями, и постепенно графиня осознала, насколько наивной и глупой они считают ее, почти в открытую договариваясь, кто и когда будет следить за молодой хозяйкой.

– Вот мы и дома, – свернув в неказистый переулок, остановилась у небольшого домика Санди. – Сейчас свечку зажгу.

Отперла нижнюю дверь, повозилась в непроглядной темноте, и проем озарился неярким теплым светом.

– Жаль, внизу еще сыровато, – запуская «племянницу» в дом и закрывая за ней дверь, словно сама с собой ворчала травница, – хоть и все продухи открыты. Придется все тащить наверх.

Махнула Леаттии на простую лестницу из двух жердей с перекладинами и первая полезла наверх, туда, где чернел квадрат люка.

Графиня тихонько вздохнула и полезла следом. Она сама хотела такой жизни и должна постараться как можно скорее к ней привыкнуть.

Наверху было три разделенных сенцами комнатки, две маленькие спальни и более просторная столовая. А в дальнем углу, возле верхнего выхода, прятался дощатый чуланчик, громко именуемый туалетной комнатой.

– Давай я тебе покажу, как тут умываются, – деликатно предложила Санди и, рассмотрев смятение на лице беглянки, с неожиданной жалостью шепнула: – Да не расстраивайся. Долго тебе это терпеть не придется...

Больше она ничего не сказала, но Леаттии для размышлений и этих слов хватило на весь вечер.

Бородач пришел, когда его «родственницы» уже умылись и развесили по стенам пучки трав. Санди разожгла щепки в маленькой печурке, пристроенной к зимнему очагу, и вскипятила в низком медном чайнике взвар.

Леа уже так проголодалась, что готова была пить взвар с простыми сухариками, стоящими на столе в деревянной миске, но знахарка не предложила, а сама она спросить не решилась. И, как выяснилось, правильно сделала, «дядя» принес полную корзинку еды. Санди ловко выложила на плоские деревянные блюда золотистые куски жареной рыбы, пышные хлебцы с запахом лука, присыпанные румяными зернами, и полную миску малосольной икры сига.

Через полчаса знахарка отправила осоловевшую от еды беглянку в ту спальню, которая побольше, сообщив, что во второй ночует Борода, а сама она спит тут, в столовой, на деревянной тахте, и если Лайне что-то понадобится – можно будить «тетку» безо всякого сомнения.

Крохотная по сравнению с покоями графини комнатка оказалась странно безликой, зато стерильно чистой. Простая ситцевая простыня в мелкий цветочек была еще новенькой, как и стеганое одеяло и подушка. И это неожиданно согрело беспокойную душу девушки, запоздало сообразившей, как мечтала ее матушка, чтобы дочь однажды оказалась в этом неказистом городишке.

На подушке лежала стопка аккуратно свернутых вещей: полотенце, белье и ночная сорочка, тоже ситцевая и цветастая, зато длиной почти до пола, как положено знатным дамам. И это тоже показалось Леаттии добрым знаком. Она послушно переоделась и задумалась над неразрешимым теперь вопросом – куда девать ношенные вещи? До сих пор графине Брафорт не приходилось два дня подряд надевать одно и то же.

– Можно? – стукнула в дверь Санди, и беглянка с надеждой крикнула:

– Войдите!

– У тебя не появилось вопросов? – Медовые глаза знахарки смотрели доброжелательно и сочувственно.

– Да, – неожиданно смутилась Леа, – я не знаю, что делать с одеждой, которую сняла. Служанки всегда сразу уносили... я даже никогда не задумывалась куда. Наверное, чистить... или стирать.

– Давай сюда, – невозмутимо протянула руку Санди. – И не смущайся, стирать я не буду. Просто сожгу. Если все удастся, у тебя будут новые вещи, а сейчас от всего, что может вызвать подозрение, лучше избавиться. Завтра возьмешь все чистое вон в том сундучке. И если больше ничего не нужно – ложись спать, утром мы встаем очень рано.

Ободряюще улыбнулась еще раз и ушла, а Леа заперла дверь на засов, легла в непривычно узкую кровать и только потом решительно дунула на свечку, запрещая себе бояться темноты и думать о плохом. До сих пор странная парочка спасателей не сделала ей ничего дурного, и в каждом их слове и действии можно было найти здравый смысл.

А желание сунуть голову под одеяло и тихонько, безысходно завывать тоже имеет вполне логичное объяснение: никогда еще до этого Леаттии не приходилось спать где-то, кроме собственной постели родного замка. Хотя небольшого и далеко не роскошного, но такого знакомого и надежного.

Девушка все-таки всхлипнула, но тотчас спохватилась и с силой стиснула губы. Нет, плакать она не станет, пусть плачут те, кто боится ради собственного спасения сделать лишний шаг и высказать свое мнение, а едва попытавшись избавиться от незримых оков, тут же впадают в панику и бегут назад в клетку.

Она сделала свой выбор абсолютно осознанно и ни о чем не жалеет. Даже о родном доме. Глупо жалеть о стенах и кроватях, когда речь идет о всей твоей судьбе и жизни будущих детей, если задуматься.

Стоящий в горле комок отступил, унося с собой непрошенные слезы, и Леа, успокоенно вздохнув, закрыла глаза, мгновенно падая в теплый мрак спасительного сна.

– Как она? – заглянув в столовую, тихо спросил бородач что-то сжигавшую в печурке помощницу.

– Держится, – кивнула та и скупно похвалила: – Сильная девочка. Я думала, будет намного труднее.

– Она уже не девочка, – задумчиво качнул он головой. – Девочки играют в куклы и не думают о будущем. А тем более не умеют делать выводы и принимать окончательные решения, упорно ждут, пока кто-то все сделает за них. Потому и ищут пресловутое сильное плечо, совершенно не понимая и не признавая разницы между накачанными мышцами и сильной волей.

– И зачастую за сильную волю принимают грубость и жестокость, – печально поддакнула травница, – а потом горько оплакивают разбитую жизнь. Иди отдыхать, я покараулю.

– Не нужно, она уже спит. Отдыхай, завтра будет решающий день.

Глава пятая

До этого дня Леаттия была уверена, что вставать рано – это значит в восемь-девять утра, когда солнце только-только разогнало утренний туман и слегка подсушило траву вдоль дорожек сада.

Но лишь сегодня выяснила, как глубоко ошибалась. Оказывается, все селяне, рыбаки и прочие простолюдины поднимаются намного раньше солнца, когда на востоке еще только гаснут звезды и бледнеет ночная мгла.

Идти в этой темноте по тихим, жутковато пустым улочкам было непривычно, сыро и холодно, несмотря на огромную вязаную шаль, которой Санди обвязала «племянницу» крест-накрест, как малыша. Но самым большим испытанием стал для графини спуск по лестнице, когда ступеньки то начинаются, то кончаются, переходя в идущую под уклон тропу. И если бы не знахарка, за локоть которой графиня держалась, как потерпевший крушение моряк – за обломок судна, пока не рассвело, до причала она не добралась бы.

А рассвет, как назло, все не наступал, и к тому моменту, как они ступили на тонущие в тумане доски причала, Леа начала подозревать, что и не наступит больше никогда. Зато наконец-то начали появляться люди, они перекликались, хмуро шутили, о чем-то договаривались и кого-то за что-то беззлобно ругали. И страх постепенно отступил, растаял от этих коротких разговоров и смешков, зачастую совершенно не подходящих для того, чтобы их слушала хорошо воспитанная девушка.

– Ну вот и добрались, – вдруг ворчливо произнес идущий впереди Борода. – Когда уже закончатся эти туманы...

Санди крепче прижала к себе руку беглянки, и Леа невольно насторожилась. Она уже давно сообразила, что ее спасители далеко не так просты, как кажутся на первый взгляд, и ничего не говорят от нечего делать, лишь бы поболтать.

– Доброе утро, мастер Джар, – поздоровался с бородачом кто-то, пока скрытый от Леа пеленой тумана, и девушка испуганно сжалась, сразу сообразив, что обычно этого человека по утрам здесь не бывает.

– И вам того же, – с прохладцей откликнулся бородач и едко поддел: – Хотя оно было бы намного добрее, если бы ты, Гровер, вернул на лестницу фонари, которые снял перед наводнением.

– Не успеваю, – хмуро огрызнулся невидимка и важно объявил: – Мы по делу. Герцогские сыщики ищут сбежавшего преступника, осматривают все суда и дома.

– А ты не мог провести их по поселку, пока народ еще не спустился на пристань?! – возмутился бородач. – Что, прикажешь сейчас топать наверх?

– Мы недавно причалили, – сухо и недовольно отозвался второй невидимка, – и не успевали в город. Поэтому не задерживай следствие. Кто это с тобой?

– Сестра и племянница, – мрачно буркнул главарь спасателей. – Гровер, ты же их знаешь?

– Сейчас гляну, – нехотя проворчал Гровер, явно мстя Джару за фонари, и из тумана возникла высокая внушительная фигура.

Остановилась перед Сандией и Леа, подняла вверх руку, в которой держала что-то небольшое, и в лицо девушки брызнул яркий свет потайного фонаря.

– Да, это Санди, травница, и их племянница, беженка из Харказа. Живет тут почти три месяца.

– Не похожа, – хмуро буркнул первый сыщик и задумчиво добавил: – Пусть покажет руки и амулет.

– Лайна, покажи этим людям руки, – обратилась к графине по-харказски Сандия. – А амулет вот он, никаких других у нее нет.

– Не врет, – сухо объявил второй. – И амулет дешевый, оберег от заразных болезней.

– Это у нас они дешевые, а в Харказе мор, – скорбно поджала губы травница. – У бедной девочки и отец и мать померли.

– Покажи ял, – приказал Джару сыщик, отвернувшись от Леаттии, и перебравшийся на борт суденышка бородач покорно перебросил им трап.

Несколько долгих минут, пока сыщики обыскивали бывшую плоскодонку, сообщницы стояли на причале, тесно прижавшись друг к дружке, и молча глядели в сгущавшийся туман.

Леаттия, сразу вспомнившая про мешок со всем своим имуществом, вначале обливалась холодным потом, каждую секунду ожидая услышать обличительный крик: «Нашли!»

Но постепенно, ощущая почти незаметное ободряющее поглаживание ладони свежеспеченной «тетушки», начала успокаиваться, сообразив, что ее спасители приготовились к всевозможным испытаниям гораздо лучше, чем это сделала бы она сама. И предусмотрели все, даже белье, и теперь ее можно было обыскивать как преступницу, но не найти ни одной нитки, принадлежавшей графине Леаттии Брафорт.

Вскоре на трапе появился бородач в сопровождении сыщиков в надвинутых на глаза шляпах, и девушка снова насторожилась, хотя почти была уверена, что беда прошла стороной.

– Идите на ял, посидите в каюте, пока я вернусь, – в голосе Джара слышалось недовольство, – а то совсем тут озябнете, работать некому будет.

Сандия первой шагнула на трап, потянув за руку «племянницу», а «дядя», словно торопя, подтолкнул девушку с причала. Но графиня почувствовала, как уверенно поддержала ее мужская рука, в который раз не позволив покачнуться и упасть.

Через минуту они уже сидели в каютке, ставшей втрое больше вчерашней, и Санди, ворча на проклятых преступников, из-за которых нет покоя добропорядочным жителям, поправляла при свете простенького масляного светильника лежащие на деревянных лавках тонкие стеганные тюфячки.

– Небось все инструменты перепутали, – недовольно бормотала она по-харказски, – а брат этого не любит. Лопатки должны лежать отдельно, ножи и ножницы – отдельно. И чистые мешочки и туески – тоже. Эх, знать бы, что они придут, полежали бы в тепле еще часочек, потом нажарили яиц и лепешек с луком. А так придется до обеда остаться без горячего. Кусочек вчерашней рыбы да полчашки холодного взвара в такой туман не согреют.

Леа слушала ее с недоумением – ради чего так стараться, если сыщики уже ушли? Или... ушли не все? Ее мигом обдало жаром от одной только мысли, что на яле может скрываться кто-то из сыскарей. Но кто и, главное, где?

Графиня старательно припомнила, как уходили на ял темные тени, как возвращались, и вскоре начала сомневаться в первоначальном предположении. Скорее всего, где-то неподалеку спрятан подслушивающий амулет, вещь дорогая и редкая, но вполне доступная для герцогских посланцев. Особенно когда они ищут такую важную для правителя беглянку.

– Тетя, – решив, что пора помочь травнице, спросила она тоже по-харказски, старательно копируя один из западных диалектов, – а чего они хотели?

– Ты не поняла? – одобрительно кивнув девушке, вздохнула Санди. – Ищут бандита. Или вора, такой переполох я видела лет восемь назад, когда искали пропавший из герцогской сокровищницы родовой артефакт. Говорят, вор был настолько нагл, что пробрался во дворец посреди белого дня. Все говорили, не иначе кто-то из приближенных его светлости, откуда же нам, простым людям, знать, как туда войти и где лежат самые ценные амулеты?

– Возьми корзину, Санди, – раздался из-за дверцы голос Джара. – Я купил пирожки с рыбой. Поедим по очереди, нечего тратить время зря, вон солнце уже показалось, а мы еще дома.

Сандия довольно подмигнула беглянке, радуясь, как та поняла, вовсе не рыбе, и поспешила исполнить его команду.

Вскоре ял уже развернул серые штопанные паруса и, набирая ход, двинулся прочь от Лахты. Бородач стоял у руля, а Леа с «тетушкой», сидя в тепле каюты, неспешно жевали свежеиспеченные порожки, запивая горячим чаем, принесенным Джаром в маленьком чайничке. И помалкивали, повинувшись безмолвному приказу главаря.

Графиня думала о матери, как выяснилось, она до сих пор совершенно не знала самого родного человека. И даже не предполагала, что та способна придумать такой сложный план по спасению дочки и найти для его исполнения таких непростых людей. И понимала все отчетливее, что обычным наемникам никогда не удалось бы увести ее от дома так далеко, а тем более обмануть вооруженных магическими вещичками сыскарей. Судя по отзывам немногочисленных друзей ее родителей, придворный маг Манреха был очень силен в своем непростом ремесле. А еще неподкупен и проницателен, острый взгляд его стальных глаз девушке запомнился очень хорошо.

А бородач с помощницей сумели два раза обойти его подмастерьев, только теперь Леаттия сообразила, кого именно бывший жених должен был отправить на ее поиски прежде сыскарей и гвардейцев. И значит, Джар не солгал, говоря про маячок, и это еще больше убедило девушку в верности сделанного выбора. Если герцог еще до свадьбы следил за каждым ее шагом, повесив незримый поводок, то, получив все законные права, и вообще перестал бы считать человеком, имеющим право на собственное мнение.

– Теперь и я могу поесть, – появился в дверях каюты бородач, подсел к столику и принялся с аппетитом уничтожать пирожки и рыбу.

Леа невольно искоса следила за ним, пытаясь угадать, сколько стоят услуги мага и знахарки, и огорченно вздыхала. Судя по всему, мать отдала им нечто очень ценное, одну из родовых вещиц, хранящихся в заветном тайничке, так как золота у их семьи было немного. Да и вряд ли удалось бы забрать его из банка, не насторожив герцога. Ведь там лежало ее приданое, а за всем, что считал своим, его светлость, как оказалось, имел привычку бдительно присматривать. К тому же особого труда это не составляло, банк Брафортского герцогства на две трети принадлежал Кайорам.

– Не жалеешь? – вдруг спросил главарь, в упор уставившись на девушку.

– О чем? – нахмурилась она, не поняв вопроса.

– Ты могла им признаться и сейчас сидела бы дома в мягком кресле.

– Ни за что, – отрезала Леаттия. Помолчала, глядя в распахнутую дверцу на светлеющее небо, и тихо, но твердо добавила: – Вполне вероятно, большинство девушек на моем месте, заглянув в чужую, непривычную жизнь, повернули бы назад... Но я за этот месяц не раз и не два все обдумала и давно поняла, что буду искать любую возможность сбежать. Знаете... за пять лет я привыкла к мысли, что стану женой Кайора, и даже считала это лучшей судьбой. А вот в последние дни вдруг сообразила, что герцог никогда за мной не ухаживал, ни о каких чувствах не говорил. Просто принес свой браслет и объявил свое решение... словно собаку в псарню выбрал. Разумеется, это меня оскорбило, но расстроило другое. Родители ведь не могли этого не видеть и не понимать, почему же они молчали, ни слова не сказав против этой помолвки? Значит, он им чем-то пригрозил заранее, причем это касалось меня. Больше ничто не заставило бы отца терпеть и делать вид, будто все у нас прекрасно. И вот этой лжи, этого издевательства над самыми дорогими мне людьми я Кайору никогда не прощу и именно поэтому его женой ни за что не стану. Никто не сможет заставить дочь рода Брафорт против воли сказать «да» перед ликами собственных предков.

– У Манреха изворотливый ум, – тихо и печально вздохнула Санди, – и он привык получать все, чего пожелает, любой ценой. Нет, тебя он бить не стал бы... но вполне мог показать наглядно, как будет наказывать за твою строптивость юных фрейлин.

– Поэтому я не должна попасть к нему в руки, – сжала губы графиня. – По крайней мере, живой.

– У тебя есть яд? – насторожился бородач. – И где ты его прячешь?

– Нет... яда нету, – качнула головой Леа. – Но кое-что я все же могу.

– Забудь, – приказал «дядя» строго, – и никогда не вспоминай. На самый невероятный случай у меня тоже имеется парочка сюрпризов, и пока я жив, Кайору тебя не достать. А погибать не входит в мои планы на ближайшие триста лет.

– Спасибо, – очень серьезно произнесла беглянка, глядя в его непроницаемые глаза. – Мне тоже не хотелось бы отдавать жизнь за прихоти Манреха.

– Это не прихоти, – уклончиво буркнул бородач и поднялся с места. – Но говорить об этом пока рановато. Отдыхайте, до места еще почти три часа.

– Как три часа? – ошеломленно посмотрела ему вслед девушка, успевшая вчера от скуки припомнить карту озера – главной достопримечательности их герцогства – и примерные расстояния до Шлесских холмов, поднимавшихся к западу от Лахты.

По ее представлению, идти туда их необычному судну час, от силы полтора, и сам бородач вчера вечером это подтвердил.

– Но ведь на Шлесских холмах мы были вчера, – улыбнулась девушке Санди. – И уже собрали там все что можно. Ни один хороший травник не будет выкапывать подчистую все корни ландышей, не оставив ничего на будущее. Так поступают лишь новички, спешащие взять большую прибыль, но у старых травников есть способ с ними бороться. Как только мы замечаем, что кто-то начал нарушать негласные правила, посылаем к нему особых людей... и в первый раз они вежливо пояснят, как нельзя делать. Ну а во второй просто сожгут все запасы.

– А пожаловаться он не сможет? – Графиня живо заинтересовалась той стороной жизни, какой никогда не знала.

– Бывает и жалуются. Но далеко их жалобы не уходят. Любой писарь при градоначальнике и староста деревни знают, что травники никого не тронут незаслуженно. Хочешь золота – вставай пораньше и работай, но не забывай о совести и о тех, кто придет за корнями в следующем году. Нельзя нагло грабить всех вокруг, ведь если будущей весной не будет каких-то трав, цены на зелья поднимутся впятеро, и простолюдины останутся без лечения.

– Всему этому меня учили, – честно призналась Леа. – Отец настоял. Но никогда раньше я даже не представляла, что каждая женщина, стоящая на рынке с пучками душицы и пустырника, так хорошо разбирается в законах экономики.

– Ну, о том, что это законы экономики, простые травники могут и не знать, – засмеялась знахарка. – Зато все понимают, как важно не подрубать сук, на котором сидишь. А теперь неплохо бы отдохнуть. Сейчас достану тюфяки со свежим сеном, для незваных гостей это – трава на продажу. И еще... Теперь здесь есть маленькая умываленка, за вот этой дверцей. Чем больше становится судно, тем больше на нем кают и удобств.

– Я заметила. Но не понимаю, как это происходит.

– Эту лодку сделали особые мастера, – подмигнула Санди. – Видела когда-нибудь складные игрушки? Только здесь все прячет и разворачивает магия, а большего и мне не известно.

Травница достала из шкафчика душистые мешки, сноровисто взбила и застелила две постели. И вскоре Леаттия лежала на мягком, упоительно пахнущем ложе, с усмешкой припоминая, как ловко «тетя» ушла от вопроса, куда они плывут.

Глава шестая

Разбудила беглянку внезапная тишина, и в первое мгновение Леа недоумевала, отчего это кажется ей странным. Но тут же все вспомнила, оглянулась на соседнюю лежанку и, никого там не застав, сразу запаниковала.

Полезли в голову разные предположения, одно другого ужаснее, и она, резко откинув плед, стремительно соскочила с постели. И тут же пол под ногами вдруг покачнулся, задрался с одной стороны вверх, заставив девушку вцепиться в край стола, накрепко прикрученного к судну болтами.

– Не пугайся! – Дверь рывком распахнулась, и в каюту влетела Санди. – Садись на свое место и упрись ногами в мою скамью.

Сама она тоже торопливо и точно последовала собственному совету: прикрыв дверцу, уселась напротив и поставила босые ноги на край противоположной лежанки.

– А что случилось? – выполняя указание, дерзнула задать вопрос Леаттия.

– Мы убегаем, – спокойно сообщила знахарка, – разве ты этого не знала? Герцог – страстный охотник и отлично умеет ставить ловушки и загонять дичь. Он успел за ночь перекрыть все границы, отправить на все заставы и посты своих гвардейцев и сыскарей, вооруженных различными амулетами. И приказал никого не выпускать из герцогства, ни женщин, ни мужчин.

– А если бы мы попытались прорваться вчера? – обреченно пробормотала Леаттия.

– Не вышло бы ничего хорошего. Во-первых, Борода не может без отдыха, ему необходимо пополнять потраченную силу, а пользоваться амулетами нельзя, вокруг столицы Кайор приказал магам понаставить охранных сетей, они называются следилками. Ну и главное – вся Лахта должна знать, что мы, как обычно, пришли вечером и ушли утром. Нельзя, чтобы сыщики нас в чем-то заподозрили и пустили по следу туманных гончих. Само собой, Джар их развеет, но все, кто смыслит в магии, сразу догадаются, что тебя увел темный маг, и напишут жалобу в темную гильдию. Вот это самый нежелательный вариант. Ты ведь еще не достигла третьего совершеннолетия, а герцог умудрился назначить себя твоим опекуном.

– Не может быть, – охнула графиня, впервые об этом услышавшая. – Моя матушка никогда бы на это не согласилась.

– Бедная девочка, – вздохнула знахарка. – В тот день, когда она была при смерти, тебя ведь под каким-то предлогом удалили из ее комнаты?

– Ну да... поесть... – еще бормотала графиня, но уже понимала, насколько просто, ловко и подло ее провели.

Презрение и отвращение, какие Леа до этого момента испытывала к Кайору, вмиг сменились жгучей ненавистью. Никогда раньше девушка даже не представляла, что может так ярко желать кому-то зла. Если бы эта ярость могла преобразоваться в огонь, негодяй уже горел бы смоляным факелом.

– В бумагах написано, что она ненадолго пришла в себя и назвала опекуна, – объясняла травница под странное покачивание суденышка. – И это засвидетельствовали сиделка и придворный лекарь.

Некоторое время графиня молчала, переваривая неожиданную новость, потом, сообразив, ради чего «тетя» ей это рассказала, сдержанно поинтересовалась:

– Ну и куда мы бежим?

– В Гайртон, – безмятежно ответила Санди, – через западные ущелья Харказа. Если ты помнишь, Харказу принадлежит часть озера, узкий залив, отделенный полумесяцем длинной, почти в полторы сотни лиг, каменистой косы. На ее дальней оконечности стоит крепость Орхат, мимо которой не пройдет ни одно судно, а вот саму косу можно перейти пешком, хотя на это редко кто решается. А Борода собирается перебраться в ялик. Как только мы минуем

прибрежные мели и подводные скалы и доберемся до берега, лодка станет другой. Какой – пока не знаю, это зависит от силы мага и обстоятельств, но собираюсь умыться и переодеться, пока есть возможность. Вполне вероятно, часть пути придется проделать пешком.

Леа думала точно так же, и как только пол перестал качаться, спутницы принялись торопливо готовиться к трудному путешествию через густые заросли боярышника и облепихи, заполнившие все ложбинки между валунами и скалами.

Надели удобные ботинки на толстой подошве, повязали волосы платками и выбрались на палубу яла.

Суденышко, словно выброшенное бурной волной, почти до половины влезло на узкую полоску песка, а чуть поодаль виднелся бездымный костерок, и Борода уже развешивал над ним нанизанных на палочки рыб и крабов.

– Санди, хлеб и соль захвати, – скомандовал он не оглядываясь, и знахарка тут же вернулась назад.

А Леа, обнаружив открытую дверцу, прыгнула на песок и направилась к нему, с любопытством осматривая скалы, почти распустившиеся листья кустарников и пышный зеленый мох.

Озеро отсюда рассмотреть не удалось, видимо, маг провел свое чудо-судно в маленькую бухточку через известный только ему проход.

– Что ты любишь, крабов или рыбу? – так же не оглядываясь, спросил мужчина, и графиня невольно ему позавидовала.

Хорошо, если можешь жить, никого не опасаясь, и не глядя угадывать, кто подходит со спины.

– Не знаю... я таких крабов никогда не ела.

– Значит, будешь учиться, – постановил он уверенно и скомандовал: – Возьми вон то одеяло, постели на валун и садись, скоро будет готово. И выслушай меня внимательно. Несколько минут назад я получил известие от одного коллеги, он скоро будет здесь. Ты его знаешь и считаешь врагом, но это не так. Он не сделает тебе ничего плохого, поэтому не пугайся, когда появится.

– А кто он? – насторожилась Леа.

– Это я, – спокойно произнес невидимый пока гость хорошо знакомым графине голосом, и она невольно сжалась от страха, сразу узнав придворного мага Кадениса.

– Все-таки напугал, – глянув на девушку, с досадой буркнул бородач. – Вот зачем так спешил?

– У меня амулет невидимости почти разрядился, – мирно пояснил немолодой мужчина среднего роста и крепкого телосложения, проходя мимо Леаттии. – А пока не доберемся до Гайртона, зарядить негде.

– Прежде чем идти в Гайртон, – перебил его Борода, принимая у подоспевшей Санди солонку, – объясни нам, почему ты здесь?

– Так ведь выгнал... – трагически поджав губы, горестно вздохнул магистр Каденис и вдруг жизнерадостно фыркнул: – Представляешь? Обвинил в тупости и неопытности! Меня! Запретил казначею выдавать жалованье за последний месяц!

Придворный маг Манреха Кайора Брафортского хохотал уже в открытую, сгибаясь почти пополам, и Борода с Санди тоже смеялись, глядя на него.

Губы Леаттии кривила невольная улыбка, но верить человеку, которого опасалась целых пять лет, она пока не могла.

– Представляешь, угрожал, что подаст на меня жалобу в гильдию! – захлебывался хохотом маг, как стало ясно беглянке, уже бывший. – И пообещал найти на это место самого сильного магистра.

– Надеюсь, ты не стал спорить? – усмехнулся бородач.

– Ну я же пока в своем уме? И словечка не сказал. Но паре-тройке хороших людей потихоньку намекнул, чтоб уходили, пока не поздно. Теперь там некому сдерживать его светлость.

– Что вы имеете в виду? – насторожилась Леа.

– Его приступы ярости, – легкомысленно отозвался Каденис. – Без моих зелий он долго не утихомирится.

– Как вы можете этому радоваться? – вскочив с валуна, гневно рявкнула на мага последняя наследница легендарных правителей. – У вас сердца нет! Ведь этот монстр изуродует невинных людей! Фрейлин или служанок!

– Слава всем богам, она действительно исцелилась, – сразу перестав веселиться, с явным облегчением выдохнул магистр и устало шлепнулся на камень. – Тогда чего мы тут сидим?

– Ждем, пока сфера свернется, – деловито сообщил Борода, – и собираемся научить Лайну кушать печеных крабов.

– То есть, – неверяще смотрела на магов графиня, – вы не собираетесь вернуться и спасти бедных девушек?

– Бедные девушки к нему в очереди стоят, – мрачно сплюнул Каденис. – Он расплачивается безделушками с бриллиантами. И убить его, к сожалению, нельзя, закон гильдии охраняет клиентов. А больше его ничем не остановишь. Без искреннего желания невозможно вылечить гнилой, больной разум уроды, получающего удовольствие от чужой боли. Но бороться с ним мы будем, и он сам дал на это право.

– Борода, – помолчав, попросила вдруг Санди, – а ведь я вам в Гайртоне не нужна. Может, отправите меня в Олдону или Тшасс, как договаривались?

Магистр Каденис помрачнел и отвернулся, делая вид, что изучает высящиеся на западе вершины гор. Бородач некоторое время хмуро о чем-то размышлял, не забывая переворачивать рыбу и складывать готовую на широкое деревянное блюдо, затем глянул на помощницу в упор и с нажимом сказал:

– Я от своих слов никогда не отказываюсь, иди куда хочешь. Но послушай доброго совета, пережди до осени, пока Лайна не переступит порог третьего совершеннолетия. До того момента он не успокоится, будет землю рыть и песок сеять в поисках пропажи. А я буду занят и не смогу присматривать за тобой постоянно. А он, сама знаешь, кого может нанять, и если каким-то чудом тебя достанет...

Он смолк и еще усерднее принялся поворачивать золотящиеся тушки.

– А жить... – нерешительно заикнулась знахарка, и Леа неожиданно для себя с облегчением вздохнула.

Как выяснилось, судьба женщины, рядом с которой беглянка находилась всего сутки, стала ей далеко не безразлична.

– У меня в доме комнат хватает, – буркнул ее напарник. – Поселишься рядом с Лайной, и ей веселее будет. Ну а если не понравится – куплю дом.

– Давайте сделаем немного по-другому, – мягко предложил Сандии Каденис. – Ты поселишься у него, а дом, какой понравится, куплю тебе я. Когда у человека есть свое пристанище, он не чувствует себя бесправным, живя в чужом доме.

– Я и сам в состоянии купить, – огрызнулся бородач и принялся резать хлеб. – Но если ей приятнее, чтобы купил ты, спорить не стану.

– Пусть купит он, – посомневавшись, приняла решение знахарка, кивнув в сторону бывшего придворного мага, и на этом деловые разговоры закончили.

Потом все дружно ели жареную рыбу и учили Леаттию доставать нежное, пахнущее дымком крабовое мясо. И вроде никуда не спешили, но едва Борода, глянув на одно из своих колец, заявил, что пора уходить, решительно поднялись с мест и принялись ловко убирать следы своего пребывания.

Леа невесело усмехнулась про себя: трудно не понять желание магов как можно скорее оказаться подальше и от чужой страны, и от сыскарей, которые могут настичь в любой момент. Но для нее это родина, место, устройству которого отдавали все силы и устремления многие поколения ее предков. Уйдя отсюда, она порвет связь не только с озером, горами, долинами и городами, но и со всеми этими благородными и смелыми людьми, свято верившими, что их правнуки и правнучки будут так же честно заботиться о своей вотчине. И с народом, о благе которого так пеклись предки, оставив людей беззащитными в лапах жестокого и коварного монстра.

– Не хочется вернуться? – вкрадчиво осведомился Каденис, замерев рядом злой тенью, и впервые за последние годы юная графиня решила ответить ему резкостью:

– Кто-то недавно сказал, что каждый человек должен иметь свой угол, чтобы не чувствовать себя лишним в чужом доме. А я теряю не только дом, могилы родителей и предков, но и народ, о котором эти предки завещали заботиться. Но вернуться не могу... нет у меня сил с ним бороться.

– Перестань ее проверять, – приказал Борода, – она не раздумает. Лучше поторопись.

Он притащил толстую доску, широкую, как скамья, и длиной в два локтя, обернул серой, смутно знакомой тканью и, прижав к животу, встал в центр расчищенной бывшим придворным магом площадки размером со стол. Каденис встал рядом, ухватил его за пояс и крепко притиснул к себе Леаттию. Санди держала девушку с другой стороны, вцепившись второй рукой в напарника.

– Глаза закройте, – скомандовал главарь, и Леа послушно зажмурилась.

Внезапно стало жарко, как зимой возле растопленного камина, потом девушка с ужасом почувствовала, что потеет и задыхается так, словно пробежала несколько кругов по залитой полуденным солнцем аллее за шаловливым щенком. Во рту возникла странная болезненная сухость, а вот мысли, наоборот, понеслись стремительнее и стали как-то яснее. Мощной волной захлестывая сознание, разом всплыло в памяти все, что Леа когда-то знала и учила, услышала случайно или в раннем детстве. Этих воспоминаний оказалось так много, что девушка захлебнулась внезапно нахлынувшим потоком эмоций и неожиданным пониманием всех секретов и тонкостей, какие раньше недооценивала или недопонимала.

А ее телу становилось все жарче, оно горело, как будто натертое перечной мазью, и разум наконец не выдержал, сдался, погребенный лавиной открытий и необъяснимостью происходящего.

Где-то в отдалении вяло и расстроено переругивались знакомые мужские голоса, а рядом слышался звук текущей воды, и на лицо, принося несказанное облегчение, падали прохладные капли.

Леаттия припомнила сумасшедший жар и мгновенно насторожилась: если она все поняла верно, то одежда должна была сгореть.

Резко распахнув глаза, графиня уставилась на сидящую возле нее знахарку. Та бережно поддерживала ей голову и тонкой струйкой лила воду из узкого серебряного ковшика. Одежда Санди была мокрой, и вокруг них тоже была вода. Леа внимательнее огляделась и обнаружила, что они сидят в неглубоком водоеме, а подол ее платья и в самом деле покрыт подпалинами.

Страшась представить, что в таком случае с ее кожей, девушка отогнула рукав и ошеломленно замерла. На запястьях, там, где еще недавно так пекло, не было ни единого ожога или пятнышка сажи.

– Она пришла в себя, – мягко сообщила куда-то Санди, и поблизости послышался торопливый топот двух пар ног.

– Как ты себя чувствуешь?

– Как ошпаренная курица, – сообщила чистую правду Леа. – Но никаких ожогов не вижу. Вы меня вылечили?

– Давай обо всем поговорим чуть позже? – очень учтиво попросил бородач. – Сейчас я отнесу тебя в шатер, вам нужно переодеться.

Прямо в сапогах шагнул в воду, поднял «племянницу» на руки и, не обращая внимания на потоки воды, понес в сооружение, которое девушка вначале приняла за куртину оплетенных хмелем кустов, настолько правдоподобно были расписаны его стенки.

Внутри тоже ничего не напоминало походных военных кибиток и узорчатых шелковых харказских шатров, какие видела Леа на охоте и на пикниках. Не часто ее туда брали, всего пять-шесть раз за все время, но теперь девушка этому только радовалась. Ей не доставляло никакой радости полдня трястись на лошади вместе с толпой придворных дам и их камеристок, вдыхать дым костров и смотреть, как раскрасневшиеся от вина и скачки охотники жадно рвут крепкими зубами пригоревшее, полусырое мясо.

Время, проведенное в подобных «походах», она считала потраченным зря, с гораздо большим удовольствием Леа бродила бы по тем лесам в одиночестве или с обожаемым тогда женихом, слушая пение птиц и наблюдая за зверьками и рыбками, снующими в чистых ручьях. Но герцог предпочитал загонять бедных косуль, а не любоваться ими, сам свежевал тушки и первый съедал кусок полупрожаренного мяса, украдкой перемигиваясь с бойкими фрейлинами.

Девушка мотнула головой, отгоняя необычайно яркое видение, и внимательно оглядела непривычную обстановку. Мягкие, словно набитые пухом сиденья, тонконогий, изящный столик и дверца в глубине шатра, к которой принес ее бородач.

Внутри оказалась небольшая, очень уютная спальня с двумя постелями, но маг туда не пошел, доверив графиню напарнице. Санди первым делом раздела подопечную и растерла мягким полотенцем, потом завернула в одеяло и принялась переодеваться сама.

И вот на ее руках и шее Леа неожиданно для себя обнаружила розовые пятна залеченных ожогов. Даже рот приоткрыла спросить, что произошло, но вспомнила слова бородача и прикусила язык, сообразив, что молчат они не просто так. И раз пообещали объяснить все позже – значит, нужно ждать и не ставить своих спасителей в неудобное положение.

– Тут твои платья, – распаковывая знакомый сверток, неуверенно произнесла Санди. – Но мне кажется, они тебе великоваты.

– Это матушкины платья, – тихо пояснила Леа, чувствуя, как свежа стала немного поутихшая за месяц боль. – Я надевала на себя запас одежды, и мои платья не налезли.

– Ну ничего, подвяжем пояском, – тотчас нашла выход знахарка, и Леа вдруг заподозрила неладное.

Слишком ласково они с ней говорили и вели себя покладисто, как с больной... или хронической истеричкой. А она чувствует себя отлично и рассуждает теперь, после внезапной встряски, на удивление здраво и спокойно.

– Санди, – так же приторно улыбнулась «тете» графиня, – ты весьма странно начала со мной разговаривать – как с сумасшедшей. Не желаешь объяснить почему?

– Мне так приказали, – прямо глянула ей в лицо травница, – а я и не спорила, хотя думаю, что это они чего-то недопонимают. А тебя не считаю способной на безумные поступки. Поэтому и сижу тут, а не ушла... в город. Ну, давай одеваться и пойдем пить чай, у меня от этого приключения дикий аппетит проснулся.

Маги уже сидели за столом, молча глотали из черных с золотом фарфоровых чашечек горячий напиток, и по шатру плыл горьковатый запах драгоценного харказского чая.

Леа присела на одно из свободных сидений, взяла придвинутую к ней чашечку и, прежде чем сделать глоток, вдохнула аромат редкого в их доме напитка. Непонятно откуда всплыла

уверенность, что ни зелий, ни яда в нем нет, и графиня, усмехнувшись, сделала первый глоток.

– Вот булочки и свежее масло, – заботливо подала Санди тарелочку с едой, которой еще недавно у беглецов не было и быть не могло, как считала тогда Леа.

А теперь девушка отчетливо понимала, как мощны ввязавшиеся в ее судьбу спасители и как много у них секретов, о которых даже не догадываются простые жители королевств, герцогств и ханств, разбросанных по материкам и островам их мира.

– Лайна... – осторожно начал бородач и досадливо скривил губы, – ты не против, чтобы тебя так называли?

– Нет, – уверенно ответила беглянка, – я же уже говорила.

– Но это было... – начал объяснять он и смолк, повинувшись повелительному взгляду Кадениса.

– Не нужно ее пугать, пока сами во всем не разберемся, – мягко произнес бывший придворный маг герцога Брафортского, и Леа взглянула на него с откровенным изумлением.

Слишком уж быстро Каденис поменял свое мнение и вступил в ряды ее заступников... или случилось нечто, давшее ему на это право?

– Я никогда не был вам врагом, ваша милость, – укоризненно покачал он головой, правильно расценив этот взор. – Наоборот, делал все что мог, чтобы оградить от той мерзости, которая творится во дворце Кайора. Вернее, во дворце ваших предков.

– Каденис, – мгновенно заметив и оценив все его оговорки, произнесла девушка тем безукоризненно вежливым, но ледяным тоном, который никогда не удастся дамам, попавшим в высший свет через спальни знатных господ, – меня зовут просто Лайна, а не милость. И я не имею никаких прав на герцогский дворец. И, как ни странно звучит мое заявление, – не желаю иметь. У меня были хорошие учителя, а историю я изучала по рассказам отца. И теперь отчетливо понимаю, почему он всегда особо выделял один вывод – никогда, ни разу в жизни, смена власти не обошлась без крови. И первыми в таких боях всегда гибнут самые лучшие, честные, преданные родине и небезразличные к бедам народа люди. Ну и те невинные, кто совершенно случайно окажется не в том месте. А хитрые и трусливые успеют попрытаться по норам, как крысы, и переждут там лихие времена.

За столом повисла тишина, и некоторое время все пили чай молча, стараясь не встречаться с Леаттией взорами.

А потом бородач вдруг пристально уставился в побледневшее лицо «племянницы» и хладнокровно объявил:

– В таком случае я обязан пояснить тебе одну тонкость. Но начну издалека. Как ты уже догадалась, я темный маг и, спасая тебя, всего лишь выполнял контракт, выданный мне главой нашей гильдии. Сам он не мог этого сделать по очень важным причинам: главу гильдии зовут Эгрис Дуарис Тагорно, а его тайное имя – Каденис.

Маг помолчал, изучая закаменевшее лицо графини, за последние годы в совершенстве освоившей умение выслушивать нелицеприятные новости, ничем не выдавая бушующих в душе эмоций. Хмуро усмехнулся и продолжил:

– Под этим именем Эгрис прослужил Кайору около пяти лет, с того момента как гильдии стало известно о намерении герцога жениться на последней наследнице рода Брафортсов. Как ты прекрасно понимаешь, такие желания возникают у подобных Кайору людей далеко неспроста, и, поскольку он диктует свои правила всем соседним странам, было принято решение приглядеть за его светлостью. Ну и за тобой. Но после гибели твоего отца ситуация резко ухудшилась, и Эгрису пришлось выдать мне тайный контракт.

– А мою мать... вы спасти не могли?

– Прости, – прямо глянул ей в глаза глава гильдии, – это оказалось непосильной задачей. Я сам пытался, но ее милость призналась, что, выходя по любви замуж за графа Гардеза и

понимая, насколько этот союз опасен именно для него, она настояла на ритуале объединения судеб. И когда его не стало, ее жизненная сила начала уходить стремительно, как вода в решето. Я несколько раз тайком приходил в ваш замок и ставил ей щиты, но они исчезали в сотни раз быстрее обычного. Как выяснилось, древний алтарь, на котором был проведен ритуал, невозможно ни обмануть, ни разрушить. Но об этом лучше говорить не здесь. Сейчас пора ехать, и остался последний вопрос – с кем бы ты хотела проделать остаток пути? Повторить попытку увести тебя порталом мы пока не рискуем.

Леа смотрела на внешне спокойных магов и понимала, как непросто стоящий перед ней выбор. Впрочем, ее спутники тоже оказались очень неординарны, и после ясных вроде объяснений у нее возникло еще больше вопросов, чем прежде. И значит, спешить не следует, лучше сначала выяснить, сколько осталось ехать и какие варианты ей могут предложить.

– До предместий Гайртон не более суток, – выслушав ее, кивнул Эгрис. – Мы успели переместиться в свободные земли. А ехать можно как захочешь, и вдвоем, и втроем, и всем вместе.

– Если ехать вдвоем, то с кем?

– Со мной или с Джарвисом. Второй уведет Сандию в Гайртон.

– Тогда я поеду с мастером Джаром, – почти мгновенно решила беглянка. – Незачем Санди из-за меня трястись в коляске. Она и так натерпелась.

– Как пожелаешь, – согласился магистр.

Леа расслышала в его голосе разочарование, но сделала вид, будто ничего не замечает.

– Тогда собирайся и выходи, коляска ждет, – снова становясь уверенным главарем, командовал Борода и первым поднялся из-за стола.

– Зря ты меня не взяла, – огорченно вздыхала знахарка, укладывая дорожную суму для «племянницы». – Джар будет править, а тебе и словом перекинуться не с кем.

– Мне не впервой, – успокоила ее Леа, – а тебе нужно отдохнуть. Как я понимаю, странный пожар задел всех, кроме меня.

– Магистров тоже не задел, – виновато глянула Санди, – у них мощные защитные амулеты. Да и мой неплох, но загорелось платье. Маги спорили... – она оглянулась и перешла на шепот, – откуда у тебя такая сильная защита и защита ли это, но так ни до чего и не договорились.

Она смолкла, предоставив Леаттии самой додумывать возможные варианты, и понесла суму к выходу.

– Провожу вас.

Леа побрела за ней, пытаясь припомнить собственные чувства и разобраться в смутных подозрениях, уже догадываясь, как неспроста о некоторых вещах мать всегда говорила едва слышно, короткими намеками и лишь где-нибудь в глухом уголке сада.

Глава седьмая

За пределами шатра было пасмурно и ветрено, неслись по небу стада темных облаков и шумели вдоль дороги цветущие каштаны. Водоем, в котором Леа пришла в себя, уже исчез, и на его месте стояло нечто настолько несуразное, что назвать это коляской у девушки никогда бы не повернулся язык.

Довольно приземистое деревянное сооружение больше всего походило на огромную черепаху с колесами вместо ног. На ее горбом выгнутой спине примостились два совершенно не подходящих повозке предмета: широкая жестяная труба, какие стоят в коптильнях, и перед ней мачта с обвисшим серым парусом, в котором Леа наконец узнала ту тряпку, с которой так носился Джарвис. И бывшую поочередно то его плащом, то мешком, то парусом на ялике.

А вот лошадей или оленей, обычных в северных странах, возле странной повозки не было, но гадать, кто ее потащит, графине не пришлось.

– Прошу, – распахнув дверцу, скомандовал маг, и девушка покорно полезла в полутемное нутро, коря сама себя за несообразительность.

Ведь слышала же похожие на нелепые выдумки рассказы о странных повозках, бегающих по свободным землям, пребывавшим под негласной защитой темной гильдии, обосновавшейся в Гайртоне с незапамятных времен. Как повествуют бродячие сказители, с тех самых, когда в мире было намного больше чудес и летали по небу огромные драконы, ворующие красивых девушек. Хотя Леаттии теперь точно известно, насколько неверны эти предания.

Внутри повозка тоже выглядела непривычно, но почти роскошно: усыпанный подушками низкий широкий диван, откидной столик и удобное кресло перед широким окном, выходящим на ту часть повозки, где должна быть скамейка кучера.

– Устраивайся поудобнее, – указал девушке на диван забравшийся следом маг и сел в кресло лицом к окну.

Повозка тотчас тронулась, и Леа поспешила присесть на краешек необычно мягкого сиденья. Некоторое время с интересом рассматривала маленькие полочки и шкафчики с различными сладостями, книгами и головоломками, потом, покосившись на сидевшего к ней спутника, занятого вовсе не кучерским делом, отважилась на неподобающую графине вольность. Сбросила обувь, забралась на диван и, устроившись среди подушек почти полулежа, взяла с полочки первую книгу.

И неожиданно увлеклась чтением – фолиант оказался атласом свободных земель с красочными иллюстрациями и пояснениями. Как выяснилось, в этих местах было довольно много городков и деревень, о которых почти не слышали в Брафорте, а также дубрав, озер, рек и водопадов. И, разумеется, Гайртон, сильно отличавшийся от всех больших городов. Его делила на две части бурная речка, и на том берегу, где жили маги, не было ничего присущего обычным столицам. Ни пафосных статуй и огромных мостов, ни величественных храмов и широких площадей. Даже мэрии и той не было, как и различных заборов, оград, ворот и калиток. Не было дорог, тропок и выложенных плиткой или камнями дворов. И ни одного магазинчика или лавки, пекарни или мастерской. Все это находилось на половине города, расположенной в левобережье.

А на правом, плавно поднимающемся к вершине большого холма, раскинулся сад из огромных старых ореховых и плодовых деревьев, между которыми без малейшего намека на какой-либо порядок располагались дома и башни магов в окружении цветущих кустов и покрытых коротенькой бархатной травкой лужаек.

– Интересно? – на миг оглянулся Джар и снова уставился на дорогу.

– Да, – ответила Леа и задумчиво добавила: – Только не все понятно.

– Я бы объяснил тебе, но это нужно увидеть самой, – уверенно заявил он. – А лучше пожить там. Тогда все станет ясно. Пока просто отдыхай.

– А на мои вопросы ты ответить можешь? – подумав, осторожно осведомилась Леа.

– Смотря на какие. Видишь ли... как показали последние события, все намного сложнее, чем мы считали раньше. Поэтому теперь гильдия должна посоветоваться и поменять свои планы, и я не имею права заранее сообщать тебе о них. Но одно могу сказать твердо: никто не может заставить тебя идти против твоих собственных желаний и убеждений. Мы не белые маги, чтобы ставить общество выше личности.

– А они ставят? – заинтересовалась девушка. – Ты много о них знаешь? Можешь рассказать?

– Вопрос тебе удался, – непонятно чему усмехнулся Джар и согласился: – Но я расскажу. Немногие знают жизнь белых магов лучше тех, кто сам был адептом Белой цитадели и довольно долго ей служил.

– Ты был белым магом? – ахнула Леа, только издали видевшая этих людей, почему-то не любивших бывать в Брафорт. – Извини, пожалуйста, я не хотела перебивать.

– Не страшно, – не оглядываясь, отозвался маг и огорченно вздохнул: – Не повезло нам с погодой. Скоро будет дождь.

– Но ты ведь маг? – осторожно осведомилась девушка и впервые осознала, что никто не знает точно, на какие чудеса способны маги.

– Ну да, – подтвердил он и тихо усмехнулся: – И даже магистр. И если очень нужно будет, могу развеять какое-нибудь облачко. А создать – так даже несколько. Но если я сейчас попытаюсь разогнать эти тучи, обложившие долину со всех сторон, то всего лишь выжму себя досуха и буду декаду сидеть на источнике, восстанавливая силы. Поэтому нам придется ехать помедленнее, чтобы не снесло с дороги, и, как только начнет темнеть, – остановиться на ночь в первом попавшемся городке. Ну а теперь про белых магов. Главное, во что они верят и считают неизблемым, – это закон справедливости. Если судьба дала человеку магические способности, значит, он должен позаботиться о тех, кому не повезло.

– Но это же прекрасно, – обдумав его слова, с жаром произнесла Леаттия, и Джарвис тихо засмеялся:

– Я тоже так считал, и когда пробудился дар, пришел в Белую цитадель. Вечерами нас учили плести заклинания, лечить недуги и создавать несложные вещи, а утром выводили на улицы помогать жителям города и окрестных деревень. Сначала руками, как обычные люди, потом магией. Теперь я умею готовить и убирать, доить коров и строить дома, копать погреба и огороды, ковать железо и лепить горшки. И многое другое. Но со временем начал понимать, что не могу ко всем относиться с одинаковой доброжелательностью и любовью, как предписывают законы Белой цитадели. И мне гораздо приятнее колоть дрова скромным старушкам и пахать поля бедным семьям, попавшим в трудное положение из-за болезни или потери кормильца, чем пасти скотину и поливать огород бездельникам, отсыпавшимся до обеда после гулянки. А вот холеным лавочницам, готовым выжать из белого адепта все соки, хотя они вполне могли бы нанять приказчика или помощницу, и вовсе ничего не хотелось делать, хотя закон цитадели суров и гласит однозначно: адепту не подобает судить, кто достоин помощи, а кто нет. Помогать следует тому, кто первый попросит. А если адепты начнут выбирать задания по своему вкусу, то очень скоро возомнят себя судьями и начнут считать выше других. А это противоречит главному принципу Белой цитадели – сильные должны помогать слабым, невзирая на их недостатки.

– Вроде правильный закон... – нахмурившись, задумалась графиня, – но мне тоже больше нравится на городских праздниках угощать сладостями бедно одетую детвору и калек, а не нищих с маслеными рожками. А темные кому-нибудь помогают?

– Только по контракту.

Маг немного помолчал, ожидая вопроса, потом нехотя буркнул:

– Ну а если вдруг очень захочется помочь, всегда можно нанять одного из друзей.

– Я помню, – задумчиво отозвалась Леаттия, – Эгрис тебя нанял. Мне интересно другое... тогда почему он нас ловил?

– Если бы он нас ловил, – хохотнул маг, – мы сейчас сидели бы в замке Кайора. Все. Только мы с Санди – в подвалах, где оборудованы пыточные, а вы с Эгрисом – в гостиной на два этажа выше.

– Вот как... – снова задумалась беглянка.

Как выясняется, она всю юность, пять лучших лет своей жизни, прожила слепым, глупым щенком. Любила недостойного, боялась доброго, верила лгунам и совершенно не знала окружающего мира, несмотря на кучу изученных толстенных фолиантов и шесть языков, на которых может говорить свободно. Про седьмой, на котором в этом мире говорить не с кем, и упоминать не стоит.

– Но я бы еще лет пять колол дрова и лечил больных в Лиме, – оглянувшись на примолкшую девушку, тихо произнес Джар, – если бы не один случай. Однажды на закате я возвращался в цитадель усталый, почти без магии и сильно не в духе. Пришлось с раннего утра чинить и украшать большой дом для одной прыткой дамы, собравшейся замуж в четвертый раз. За день она извела меня бесконечными придирками и сомнениями. То ей хочется голубую спальню, то все-таки розовую, а спорить с просителями нельзя, ей же потом в этом доме жить.

Почти у ворот цитадели меня поймали двое, холеный мужчина в легкой коляске и заплаканная девчонка, бежавшая следом. «Я первый! – закричал мужчина. – Ко мне гости приехали, нужно срочно приготовить ужин. Садись!» Он уверенно смотрел на меня и ждал, что я безропотно залезу в коляску, солнце ведь еще не село и цитадель пока не закрыла ворота. А я глядел на худенькую, бедно одетую девчонку и видел в ее мокрых глазах отчаяние и неподдельное горе. Когда несколько лет целыми днями работаешь рядом с людьми и видишь все, что скрыто от посторонних за вежливыми словами и приветливыми улыбками, очень быстро начинаешь разбираться в искренности их чувств. «У меня брат, – поняв мое молчание, торопливо залепетала девчонка, – упал с дерева и не приходит в себя. Знахарка велела бежать сюда... может, успею до заката...» С каждым словом она говорила все медленнее, а я видел, как гаснут в ее душе последние искры надежды, и впервые яро жалел силу, истраченную на оборки балдахinov и золотые вензеля колонн. И пойти готовить ужин для толпы гуляк уже просто не мог. Взял девчонку за руку и повел назад, хотя и не надеялся, что мне хватит магии помочь ее брату. Мальчишка наверняка очень плох, раз знахарка оказалась бессильна.

Рассвирепевший проситель с руганью устремился следом, я едва успел отскочить с дороги и выдернуть из-под копыт коня девчонку. А он, озверев от неудачи, яростно взмахнул кнутом, норовя достать нас обоих, хотя все знали, что ударить белого мага невозможно. Единственная помощь, которую Белая цитадель дарует своим adeptам, кроме обучения, конечно, – это надежные защитные амулеты. В них степень защиты всегда зависит от намерений напавшего. Чем сильнее он желает убить белого мага, тем мощнее встающая вокруг адепта магическая стена. Вот в тот момент я и сообразил, где взять силу для лечения пациента. Прикрыв собой девчонку, молча показал озлобленному просителю издевательский знак, и он, от ненависти совершенно потеряв рассудок, принялся лупить меня в наивной надежде достать хоть разок. Но вокруг уже бурлили потоки силы, и я жадно собирал их, впервые за последние годы радуясь быстрому пополнению резерва. А потом просто прихватил девчонку и открыл портал в нижний город.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.